Дракон с королевским клеймом

Автор:
Оливия Штерн

Дракон с королевским клеймом

Оливия Штерн

Колдовские миры

Только смерть сумасшедшей королевы спасла Вельмину от казни.

Но, едва оказавшись на свободе, она невольно привлекла внимание наместника.

Нежеланный мужчина преподносит нежеланный подарок… Так в доме Вельмины появляется невольник, в обществе которого сердце бьется чаще, а дыхание сбивается.

Его тайна – магическое клеймо на груди. Его суть – алхимия. Его руки в крови убитых во славу короны.

Но их судьбы связаны давним предсказанием. Ей придется научиться доверять чудовищу, а ему – забыть, кем его сделала королева и научиться любить.

Лучшие алхимики продемонстрируют возможности трансмутации! Случайная встреча изменит жизни героев и увлечет вас в мир интриг королевских дворов.

Оливия Штерн

Дракон с королевским клеймом

© Штерн О., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Гадалка была старая, до черноты загорелая и сморщенная, словно ножка сушеного гриба. Из-под алой бархатной шапочки, расшитой разноцветными бусинами, по плечам, накрытым таким же алым бархатом, струились тонкие седые косицы, много.

Итан хорошо помнил, как гадалка долго мяла в руках его пухлую детскую ладошку, подслеповато щурясь, выдыхая изо рта резко пахнущий дым – она курила трубку. Потом она сказала: «Ты будешь мужем королевы, но корону наденешь, только перейдя топь». Проклятая старуха. Порой Итану казалось, что отец совершил чудовищную ошибку, пропустив во дворец старую каргу. Ее надо было казнить перед воротами. Или хотя бы лишить языка, потому что… Первая часть предсказания сбылась.

Но лучше бы он умер тогда, когда на голову накинули душный мешок и поволокли, время от времени награждая тычками и пинками. Это случилось на следующий день после того, как Итану исполнилось пять лет. Сейчас ему было, наверное, лет тридцать – он даже не был уверен, так ли это, потому что время сливалось в бесконечный сон, тягучий, словно слеза еловой смолы. В прореженной страхом и болью памяти только и удержалось: когда-то он жил в светлом дворце, с матерью и отцом, и когда-то во дворец пришла гадалка, черная и сморщенная. «Ты будешь мужем королевы, мальчик». И он им стал. И творил совершенно жуткие, кровавые вещи, когда королева приказывала.

Она оказалась чрезвычайно одаренной женщиной. Наверное, самым лучшим алхимиком не только этого королевства, но и соседних. На ее шее, на толстой цепочке, висела серебряная куколка, заговоренная на подчинение. Итан и чувствовал себя куколкой, особенно если был вынужден повиноваться молчаливым приказам своей жены. Но иногда он все-таки мечтал о том, что серебряная куколка поломается или расплавится – и он станет свободным от воли королевы. Недолгой была бы та свобода, потому что – а это Итан тоже знал

– если исчезнет куколка, то ему тоже долго не протянуть.

* * *

Королева Лессия была старше, возможно, лет на двадцать пять, а может, и больше – этого он тоже не знал. И, пожалуй, никто не знал, сколько ей лет: алхимия делала то, что не сделает ни один лекарь. Королева всю жизнь занималась алхимией и могла позволить себе периодически молодеть, по-настоящему. Не только убирать морщинки в углах глаз и губ, не только подтягивать второй подбородок и подчеркивать скулы. Алхимия в руках королевы делала ее тело молодым и упругим, а кожу – идеально гладкой, лишенной пятен и отвратительных коричневых бородавок. Они, правда, нахально возвращались каждый раз, но Лессия терпеливо изводила их снова. Королева привыкла быть молодой и красивой, только взгляд зеленоватых глаз, усталый, потухший, намекал на то, что в этой идеальной оболочке прячется подступающая старость.

Итан посмотрел на нее: в нежном свете утра Лессия походила на ломаную трещину в пространстве. Кровавую трещину. Темно-красный цвет катастрофически ее портил, придавая лицу неприятный восковой оттенок, но Лессия любила именно его. Не зеленый, не синий, не черный – а всегда только цвет крови.

Итан встретился с ней взглядом. Лессия погладила куколку и многозначительно улыбнулась.

«Да чтоб ты сдохла».

Дуэль взглядов продолжалась, и Итан понимал, что очень скоро сдастся, но не потому, что боится последствий, а потому, что у Лессии есть власть. Практически безграничная над ним власть, заключенная в серебряной подвеске.

И тут она отвлеклась: поднесли письмо. Лессия небрежно взяла конверт, сломала печать и несколько мгновений молча читала, одновременно пережевывая кусок лососины.

Итан с противоположной стороны стола молча наблюдал за ней, перебирая, словно четки, все то, что ненавидел: эти длинные белые волосы, уложенные волнами вокруг головы, это белое лицо сердечком, вздернутую в удивлении коричневую бровь, пухлые порочные губы, ямку меж ключиц, тонкие ухоженные руки, затянутые в кружевные рукава отвратительного бордового цвета…

Не было в ней ничего, чего бы он не ненавидел – равно как и не было ничего, что не покрывал бы поцелуями каждую ночь. Примерный муж и любящий король. Раб серебряной куколки, что так вольготно разместилась в соблазнительной ложбинке меж упругих грудей королевы.

Дочитав, Лессия смяла донесение, стискивая его так, как недавно стискивала еще пульсирующее сердце, вырванное Итаном из груди одного из заговорщиков.

– Бездна! – сорвалась она на вульгарный визг, продолжая в ярости комкать бумажный лист. И уже на прислугу: – Все вон! Во-о-он!

Завопила как базарная торговка, у которой воришки увели копченый окорок.

Итан не пошевелился. Демонстративно поправил кружевные манжеты, отложил вилку – это он мог сделать. Серебряная куколка начинала работать тогда, когда требовалось делать нечто такое, от чего его потом рвало нещадно. Позже… Он успевал добежать до своих покоев, запереться в них, кое-как добраться до уборной. Чувствуя, как в болезненных спазмах сжимается желудок, ощущая на языке вкус желчи, Итан представлял себе, как душит свою королеву. И тихо подвывал от бессильной ярости, потому что куколка – еще и идеальная защита. Он никогда не причинит вреда носителю куколки. Никогда. И будет и дальше следовать приказам, чувствуя себя как муха, застрявшая в меду. Все вокруг вязко, медленно, и нет сил разорвать путы магии.

Лессия вскочила из-за стола, заметалась по светлой гостиной. Итан молча смотрел на нее и думал… Ах, как чудесно было бы намотать на кулак эти длинные белые волосы и резко дернуть вверх – и немножко вбок, чтобы хрустнули позвонки. Впрочем, слишком легкая и слишком быстрая смерть. Лессия явно заслуживала большего.

– Нет, ты только представь! – воскликнула она, всплескивая руками. – От границ Аривьена выдвинулся воздушный полк! Да он просто самонадеянный идиот!

«Если он – самонадеянный идиот, тогда почему ты так бесишься?» – подумал Итан и промолчал.

– Дирижабли, ха! – Лессия взмахнула рукой, как будто была дирижером и именно сейчас должны были прозвучать первые звуки симфонии – ее личной симфонии. – Что уставился? – Следующая реплика, уже адресованная Итану.

«А что я должен говорить? То, что буду только рад, если твою голову насадят на пику?»

Не то чтобы Лессия умела читать мысли, однако же что-то такое было в глазах Итана, заставившее ее стиснуть челюсти и подойти ближе. Тонкие белые пальцы легли на серебряную куколку.

– Если моей голове красоваться на дворцовой стене, то твоей уж точно, – шипящим шепотом заверила она, – никто не забудет, мой драгоценный, как ты отломал голову тому придурку.

Итан прищурился и замер под пристальным взглядом королевы. В груди стремительно нарастало напряжение, мысли заметались под стенками черепа. Что ты задумала, тварь?

– Отломал, – дразнясь, прошипела змея, – выдрал вместе с частью позвоночника. Если меня не станет, тебе такое не простят, мой дорогой.

И расхохоталась, брызжа слюной. Итан невозмутимо взял салфетку, но ее тут же вырвала из рук королева, смяла и швырнула на пол.

– Что расселся? Поднимайся! И не строй из себя дурачка! – Теперь она снова перешла на крик, и от этого стало как будто легче. Уж, по крайней мере, привычнее.

Итан медленно поднялся, чувствуя, как его опутывают липкие нити чужой воли. Все тяжелее и тяжелее шевелиться, двигать руками. Он спеленат и снова беспомощен, так же как и тогда, когда она приказала отламывать голову.

Лессия остановилась в шаге, и Итан снова представил, как мог бы намотать на кулак ее роскошные белые волосы и дернуть посильнее, так, чтоб сразу… А она смотрела на него пристально, с прищуром, и в зеленоватых глазах полыхало злое холодное пламя.

– Раздевайся, – с усмешкой сказала королева, – у нас много интересных дел.

Итан невольно вздохнул, когда его руки сами по себе потянулись к пуговицам роскошного камзола. Он ничего не мог поделать, и оставалось только наблюдать, как Лессия поглаживает серебряную куколку на черном шнуре, поглаживает так, как будто ей это доставляет удовольствие. Перед глазами, как по команде, возникло ее обнаженное тело, точеное, в мелких капельках пота, почти идеальное и такое ненавистное. Она каждый раз поглаживала эту куколку после того, как…

Он снял рубашку. Лессия опустила взгляд, рассматривая его живот, и улыбнулась. Еще бы не улыбаться, она лично поставила там клеймо, выжгла какой-то алхимической дрянью свой родовой герб.

– Дальше, Итан. Поторопись. Мы же не хотим, чтобы решающее сражение произошло прямо над столицей? Видел бы тебя твой папаша… – И мечтательно подкатила глаза.

«И что бы тогда, если бы он меня видел?» – подумал Итан, как будто со стороны наблюдая за тем, как пальцы ловко справляются с застежкой штанов.

– Сдох бы от досады и стыда за своего первенца! – припечатала королева и расхохоталась.

– А теперь давай, пошел наверх, на крышу. Давай, шевелись! Бездна, мне же еще переодеться надо бы. Что-то забывать все стала…

И он пошел. Наверное, мог бы и спать на ходу, тело двигалось само. Вероятно, королеве доставляло удовольствие еще раз его унизить, заставить нагишом прогуляться до самой крыши главной башни. Каменные плиты пола приятно холодили ступни, а в груди клокотала ненависть. Она бурлила, тяжело давила изнутри, не находя выхода, – и постепенно, очень медленно, превращалась в пламя, то самое, которым плюется любой сколь-нибудь приличный дракон. Но

было кое-что, что не давало ему превратиться в практически неуязвимое чудовище. И это кое-что было в руках королевы.

Глава 1. Вдова королевского писаря

Вельмина очень хорошо запомнила тот день, когда они с матушкой пошли к гадалке. Ей тогда… исполнилось двенадцать, и впервые в жизни она задумалась о том, что очень скоро ей будут подбирать жениха. Матушка, изогнув атласную бровь, посмотрела на дочь особенно пристально и объявила, что всенепременно нужно посетить гадалку, ведь предсказания – это дар богов. Отец лишь пожал плечами и ничего не ответил, потому что думал над тем, как починить поломавшийся книгопечатный станок. Тогда стояли теплые осенние дни, на городской площади расположилась ярмарка, с каруселями, с циркачами. Один из пестрых шатров принадлежал гадалке. Вот туда-то они и пошли с матушкой, сопровождаемые конюхом – чтоб чего-нибудь не случилось.

Гадалка… оказалась сморщенной, загорелой до черноты бабулькой в смешной шапочке из алого бархата и в алой же бархатной накидке поверх долгополой темно-серой туники. Матушка положила в глиняную миску серебряную монетку, и они с Вельминой уселись прямо на землю, застланную рогожей, – больше сесть было некуда. Вельмина помнила, как екнуло сердце, когда протянула руку гадалке… Бабулька взяла ее ладонь, долго водила по ней шершавыми подушечками скрюченных пальцев, а затем изрекла: «Ты будешь женой короля-дракона, девочка».

«Так ведь драконов не бывает», – возразила матушка.

«Так будут еще», – усмехнулась гадалка и выпустила колечко сизого дыма – она курила трубку.

«Увидим», – сухо ответила матушка и вывела Вельмину прочь из шатра.

Вельмина вышла замуж за королевского писаря, что было очень хорошей партией для дочери обедневшего книгопечатника. А королева Лессия, поскольку – как выяснилось позже – была чрезвычайно одаренным алхимиком, создала

дракона. В самом деле, если алхимия позволяет превращать одно вещество в другое, отчего бы не перенести трансмутацию на живое? Отчего бы не создать покорное чудовище и не держать в ежовых рукавицах все королевство?

К сожалению, королева умела создавать чудовищ и омолаживаться, но не умела призвать дожди или хотя бы унять засуху. Несколько таких неурожайных лет – и королевство буквально взвыло. Начались голодные бунты, которые – что естественно – усмирялись королевским драконом. А потом дошло и до заговора, который, как водится, тоже оказался раскрыт не без помощи случайно затесавшегося предателя. По столице прокатилась волна арестов с отчуждением средств и счетов в пользу короны, а за арестами последовали казни.

* * *

Где-то капала вода. Редкие капли звучно шлепались о камень, в дополнение откуда-то доносились глухие стоны. Сами стены как будто сочились этими жуткими стонами вперемешку с тихим предсмертным хрипом. За железной дверью кто-то прошел туда-сюда, стукнул железом о железо. Вельмина невольно стиснула в руках четки – самодельные, всего пять узелков, завязанных на носовом платке: Мать, Отец, Дитя, Старец и Старица, божественное семейство, хранящее род людской от порождений Бездны. Что ж, она прилежно молилась все эти дни. Вернее, не так: сперва плакала, потом боялась, потом страх ушел… Настало время молитв. Но сейчас, слушая, как мерно кто-то постукивает по дверям в соседние камеры, Вельмина вдруг с необычайной ясностью осознала, что молиться она тоже больше не может. Слишком устала. Да и, наверное, тоненький росток надежды надломился в ней в тот момент, когда в очередной раз железная, побитая ржавчиной дверь приоткрылась, и седой королевский гвардеец окинул Вельмину сочувствующим взглядом.

– Госпожа… нет его больше.

В груди все сжалось, замерло – а потом ухнуло в ледяную тьму. Вельмина была бы счастлива упасть в обморок, но не получилось. Она лишь облизнула пересохшие губы и выдохнула:

– Как?

Гвардеец покачал головой.

– Господин де Триоль быстро умер, не беспокойтесь. Думаю, он даже не успел почувствовать, что это больно. – И, помолчав, добавил: – Король вырвал его сердце и отдал королеве.

Тогда перед глазами Вельмины потемнело, но, к сожалению, она снова не упала в обморок. Дверь захлопнулась с оглушительным лязгом, и Вельмина осталась одна. Теперь уже до самой смерти одна, потому что до этого их с мужем держали в камере вместе.

Муж…

Пальцы снова перебирают четки. Мать, Отец, Старец… Дитя… Старица…

Как же она устала. Скорее бы все закончилось, но вот уже несколько дней прошло с того момента, как ей сказали о казни Кельвина, а она все еще жива. И вместо молитв на ум приходят только воспоминания. О муже, которого не стало… Которого, положа руку на сердце, она не любила, но все-таки прожили вместе несколько лет. Странным таким браком прожили, но Вельмина никогда и ничего не говорила ни отцу, ни матушке, потому что о таких вещах приличная женщина никогда и никому не скажет.

Вельмина сидела на охапке подгнившей вонючей соломы, подобрав ноги. Тяжело ждать… Ждать, когда снова откроется железная дверь, и теперь уже ее схватят и потащат на казнь, потому что жена одного из заговорщиков должна разделить участь мужа. Когда Вельмина узнала о том, в какую передрягу влез благоверный, то умоляла его… сделать что-нибудь, отказаться, подумать, наконец, о ней. Но Кельвин презрительно оттопырил нижнюю губу – как он частенько это делал – и сказал, мол, что вы, бабы, понимаете. Да она и не понимала, и не хотела понимать. Ей просто хотелось тихо жить бок о бок с мужем, хоть и нелюбимым, но все ж таки. А получилось вон как.

Когда понимаешь, что все, что осталось от жизни, – это воспоминания, то невольно цепляешься за них в слепом желании нырнуть в эти цветные лоскуты, прожить еще раз и забыть о том, что впереди ничего нет.

Тиская перевязанный узелками платок, Вельмина раз за разом ныряла в невесомую цветную круговерть, воскрешая образы, ощущения, запахи… Ей хотелось думать о родителях, но думать о них больно, потому что они будут горевать, после того как и ее казнят. А вот о Кельвине думать не больно, потому что так и не связала их та невидимая нить, которая соединяет любящих. Нет, Кельвин был неплохим человеком, и, возможно, неплохо и то, что их поженили, но… Имелся, как говорится, интересный нюанс.

Он сделал ей предложение потому, что терпеть не мог женщин. Женился исключительно для того, чтобы пресечь на корню досужие сплетни, что ходили о нем во дворце. И самое обидное, что за пределами дворца об этой интересной особенности Кельвина мало кто слышал, и отец с матушкой не слышали, а потому обрадовались. Ведь это большая честь, когда девушку из благородной, но весьма бедной семьи сватает сам королевский писарь. Кельвин и ухаживал красиво, подарки дарил… Тут Вельмина вздохнула и быстро вытерла набежавшие слезы. Подарки… А потом, в первую брачную ночь, привел в спальню любовника. И, собственно, смог сделать Вельмину своей исключительно после бурной прелюдии, от которой Вельмину едва не стошнило. Больше у них никогда ничего не было. Вельмине иногда казалось, что супруг даже дверь в ее спальню обходит по широкой дуге, чтобы, упаси Все Пять, не коснуться ненароком дверной ручки, за которую постоянно берется женщина.

Вельмина с тоской посмотрела на железную дверь. Сколько лет они прожили так, на людях изображая влюбленных? Пять лет. Пять паршивых, считай, выкромсанных из жизни, наполненных ложью лет.

Впрочем, Кельвин де Триоль не был ни тираном, ни сволочью. Что до его наклонностей – ну, просто так получилось, Вельмина его в этом не винила. И, надо отдать должное, Кельвин старался компенсировать Вельмине то, чего не давал в супружеской спальне: нет, не о любовниках шла речь, рогоносцем Кельвин быть тоже не хотел. Но когда Вельмина попросила у него дозволения изучать алхимию – исключительно, чтобы занять себя, – Кельвин даже нанял ей учителя и выделил закуток в подвале под лабораторию.

…Когда в замке заскрежетал ключ, Вельмина выронила четки и вскочила на ноги. Перед глазами потемнело и сделалось очень страшно – до тошноты. Она едва не закричала: «Пусть все закончится уже сейчас, сию минуту, зачем меня так мучить?!» Но крик застрял в горле и, царапая, выполз еле слышным хриплым выдохом. Едва дыша, она стояла и смотрела, как дверь открывается все шире,

завораживающе, как в камеру входит знакомый уже старый гвардеец, а за ним – мужчина, которого она ни разу раньше не видела. От ужаса Вельмина даже толком его не рассмотрела, запомнила лишь то, что лицо белое и как будто рыхлое, а глаза – черные, маслянисто блестящие в свете факела. Мужчина был высок и полноват, блестящая атласная жилетка натянулась на объемном животе. И волосы, темные волосы были так старательно напомажены и зачесаны назад, что сперва Вельмине со страху померещилось, что их и вовсе нет, а на голове у мужчины блестящая тонкая шапочка.

Несколько мгновений незнакомец, щурясь, осматривался. Его взгляд буквально прилип к Вельмине, и оттого сделалось так страшно, что во рту поплыл мерзкий вкус желчи.

«Великая Мать, пусть я просто упаду в обморок и больше ничего не почувствую», – успела подумать Вельмина, а потом гвардеец сказал:

– Вот, ваша милость, вдова заговорщика де Триоля. Приговоренная.

– Прекрасно, прекрасно, – энергично откликнулся мужчина. – Ну что, милочка, повезло вам!

Вельмина чувствовала себя так, словно ее на морозе облили водой и так и оставили.

– Что значит… повезло? – с трудом выговорила она.

– А? Не расслышал! – Незнакомец говорил громко и гулко, и сам он был какой-то громоздкий, едва вошел в камеру, как сразу стало ощутимо меньше места. – Впрочем, неважно. Королева мертва. Ее дракон тоже, судя по всему, мертв. И все ее прихвостни тоже.

– Что?.. – выдохнула Вельмина.

Ей срочно нужно было присесть, потому что ноги не держали.

– Но… как же…

«Как такое возможно? Что нужно сделать, чтоб убить дракона? Кто убил королеву? А как же король?» – Мысли теснились в голове, сменяя друг друга, так что Вельмина даже не успевала задать вопросы.

– Теперь эти земли – часть королевства Аривьен, – с гордостью пояснил мужчина, – так что вы, милочка, свободны. Отправляйтесь домой, вас никто не задерживает.

И, как будто вмиг потеряв интерес к Вельмине, он повернулся к застывшему гвардейцу.

– Ну, веди дальше. Кто тут еще сидит?

Солдат засуетился, едва не выронив факел, и показался Вельмине жалким и совсем старым.

– Идемте, идемте, ваша милость. Тут дальше… еще вот…

Вельмина все же присела обратно на солому. В голове плескалась цветастая мешанина мыслей, руки тряслись, платье на спине пропиталось холодным потом. Да нет же, то, что он сказал… Невозможно! Невозможно убить королеву и ее дракона. Может быть, это шутка, и как только она, Вельмина, выйдет из камеры, как ее тут же схватят под руки и поволокут рубить голову? Так уж лучше никуда не ходить, пусть сами заходят и забирают.

Она кое-как нашарила свой платок с завязанными узелками и снова стиснула его в руках. Надо только немного подождать. Еще чуть-чуть… И даже глаза зажмурить, потому что ждать так – еще страшнее, еще больнее. Тошнотворная сладковатая жуть разливается по телу, и все, что нужно, – просто покориться, принять. Откинуться назад и падать, тонуть в вязкой черноте.

Но ничего не происходило. Никто не подошел к ней, не подхватил под руки и не поволок на казнь. Вельмина осторожно приоткрыла один глаз, второй… По-прежнему она – одна, и дверь распахнута, факел трещит, догорая.

Она кое-как поднялась, кряхтя и в душе смеясь над собой, потому что кряхтела как старуха. Все остальные мысли куда-то делись, оставляя лишь морозную

пустоту. Вельмина сжала кулаки, заставила себя дойти до распахнутой двери, осторожно выглянула в коридор. Но и там было совершенно пусто, лишь редкие факелы в подставках горели. Вельмина судорожно вздохнула. Все еще не верилось… Потому что невозможно поверить в то, что кто-то смог убить королевского дракона. Боги! Возможно, сам король его убил?

А потом из сумбура, царящего в голове, вынырнула одна-единственная мысль: тот мужчина, что объявил ей об освобождении, сказал о королевстве Аривьен. То, что теперь эти земли – часть королевства… Выходит, аривьенцы завоевали Селистию и, выходит, именно они уничтожили королеву?

Вельмина, придерживаясь рукой за стену – холодную, шершавую, – медленно пошла вдоль череды ржавых железных дверей, каждая из которых звучала предсмертными стонами. И чем дальше – тем быстрее. Уже казалось, что в этом липком мраке и воздуха не хватает, чтобы дышать, и хотелось скорее вырваться из королевской тюрьмы. Это просто чудо, что о ней, вдове господина де Триоля, вообще вспомнили. Могла бы сгнить заживо, всеми забытая.

В какой-то миг Вельмина ощутила укол совести: в конце концов, ее мужа казнили, а она идет и радуется. Но, будучи честной с собой, Вельмина подумала и о том, что они с мужем так и остались чужими друг другу. Пожалуй, она еще долго будет испытывать по отношению к нему светлую печаль, какую порой испытывают к людям, которых просто жаль. Но всепоглощающего, выпивающего все силы горя не было. С этим Вельмина тоже ничего не могла поделать – равно как и Кельвин не мог ничего поделать с тем, что вместо жены любил мужчин, всяких и разных.

* * *

Она моментально опьянела от чистого, по-весеннему вкусного воздуха. Прохладный ветер взлохматил волосы, бросил их на лицо. Пришлось откидывать спутанные пряди назад, щурясь на солнце, жадно вдыхая запахи нагретых каменных мостовых, сладковатый аромат распускающихся листьев. Вокруг все шумело, двигалось, смешивалось: коричневые кареты с яркими пятнами родовых гербов, лошади всех мастей, самоходные повозки, которые только недавно вошли в моду, люди… много людей. Вельмина за время пребывания в тюрьме успела позабыть, каково это, когда на улицах людно. Слишком много было темно-зеленого в палитре города, и Вельмина запоздало сообразила, что улица

кишит солдатами в форме чужого королевства. Сообразила – и испугалась, потому что сама она сейчас отнюдь не была похожа на знатную даму. Скорее, на дешевую шлюху, а с такими у солдат разговор короткий. Но никто ее не трогал, когда она торопливо перебежала мостовую и пошла по тротуару вдоль ряда галантерейных лавок. Чужие солдаты в зеленом, в цветах королевства Аривьен, вели себя образцово. Ни погромов, ни грабежа. Просто как будто в столице расквартировали дополнительный полк.

Вельмина смогла выдохнуть с облегчением лишь тогда, когда свернула в знакомый квартал, последний перед мостом. Оставалось перебраться на ту сторону всегда темной и спокойной Верейры – и начнутся владения знати. Вельмина торопилась домой, в имение де Триолей. Конечно, все имущество было отчуждено в пользу короны, но, но… если королева мертва и ее дракон убит, а с королем как-нибудь договорились, то, возможно, у Вельмины есть шанс хотя бы забрать свои вещи?

Куда идти дальше, она пока не думала. Наверное, можно вернуться к родителям, но особнячок их в тихом пригороде, до него еще добраться надо. А дом де Триолей – рядом, с час пешком. На миг солнце закрыла тень, Вельмина непроизвольно задрала голову и невольно вскрикнула: над городом неторопливо плыл огромный, невообразимо огромный дирижабль. Вельмина такие видела только на открытках, да и то не такие, а существенно меньше. И раньше дирижабли представлялись ей неповоротливыми и оттого беззащитными. Теперь же стало ясно, как сильно она ошибалась: дирижабль шел очень быстро, куда-то на север. Шел довольно низко, Вельмина даже разглядела гладкое, обитое латунью брюхо гондолы и бок, ощерившийся пушками. Выходит, именно так аривьенцы и справились с королевским драконом.

Поморщившись, Вельмина ускорила шаг. Очень хотелось верить в то, что в доме де Триолей не разместили полк солдат. Хотелось верить в то, что дом не разгромлен окончательно, что кто-то из слуг все же остался. Ловко лавируя меж теми, кто точно так же шел по мосту – белому каменному, – она перешла на другую сторону реки, в Нижнюю Пантею, как ее называли. В Верхней Пантее разместились королевский дворец, тюрьма, главная площадь и несколько торговых улиц.

С этой стороны столицы, ближе к реке, жили люди знатные или, по крайней мере, зажиточные. Здесь дороги были вымощены светло-серым булыжником, за узорчатыми чугунными оградами нежно-зеленой пеной вскипали декоративные

насаждения, а кипарисы, посаженные вдоль тротуаров и стриженные в форме конусов, щеголяли прохладной малахитовой зеленью. И так – несколько улиц, несколько линий, идущих параллельно речному руслу. Чем дальше от реки – тем беднее дома, но дороги все равно вымощены. Самые бедные кварталы на периферии города, затем – узкая полоска леса, и за ним тихий пригород. Вельмина, в девичестве носившая скромную фамилию Лорье, все детство и юность провела среди яблоневых и персиковых деревьев с романом под мышкой. А потом к ней посватался Кельвин де Триоль…

Шагая по Нижней Пантее, отсчитывая третью линию от реки, Вельмина не могла не признать железной дисциплины аривьенцев. Взгляд то и дело выхватывал темно-зеленую форму, но ее снова не трогали. Здесь их было немного, гораздо меньше, чем в Верхней Пантее. Более того – и там, и здесь все они были трезвы, по крайней мере на первый взгляд. Похоже, просто патрулировали улицы. Вельмина торопливо проходила мимо, опустив взгляд и моля Мать, чтобы защитила и позволила добежать до дома. Она радовалась тому, что хотя бы способность кое-как мыслить вернулась, потому что, оказавшись за воротами королевской тюрьмы, в первые мгновения поймала себя на том, что понятия не имеет, куда идти и вообще кто она такая. Не память – чистый лист, выскобленный в темной камере, вымытый гибелью Кельвина.

Ничего… Вспомнила. Мать сжалилась, не иначе.

И, возможно, Вельмина выглядела слишком жалко даже для проститутки, чтобы на нее кто-то позарился. Возможно, именно благодаря своему совершенно растрепанному виду, грязному лицу, мятому и нестираному платью она и добралась без приключений до дома, в котором до этого жила пять лет.

Королевский писарь Кельвин де Триоль был последним выжившим отпрыском весьма богатого семейства. Это казалось несколько странным, потому как алхимия живого, столь активно преподаваемая в Пантейском университете, позволяла и успешно лечить, и даже видоизменять человеческое тело. Вон, королева смогла создать дракона, а это уж совсем нетривиальная задача, Вельмина была в этом уверена. Но к тому моменту, как Кельвин решил обзавестись женой – исключительно, чтоб ему самому меньше кости перемывали в кулуарах, – он остался совершенно один. Все его старшие братья и сестры, а их было пятеро, гибли один за другим. Кого-то зашибла насмерть лошадь, кто-то угодил под колеса самодвижущейся повозки, кто-то подавился костью… В стародавние мрачные времена наверняка бы заподозрили проклятие или порчу,

но современный просвещенный мир уже знал, что такого просто не бывает, а причина всему – несуразное сочетание совершенно дурацких случайностей.

Учитывая, что Кельвин остался единственным наследником состояния де Триолей, его дом выгодно выделялся среди соседских. Когда отец и матушка впервые его увидели, заулыбались так загадочно… И теперь вспоминать об этом было больно и смешно. Матушка наверняка рисовала в воображении балы, туалеты, драгоценности и многочисленную прислугу, а отец, конечно же, думал о том, что внуки не будут бедствовать. Только вот внуков не случилось, потому что Кельвин де Триоль только один раз побыл мужем Вельмины по-настоящему. Исключительно, чтобы потом к нему претензий не было. Саму же Вельмину такая его позиция вполне устроила, потому как она убедилась в том, что близость с мужчиной – весьма сомнительное удовольствие и что лучше вообще без этого.

…Вельмина остановилась перед чугунной оградой, затаив дыхание, разглядывая дом, ища в нем признаки того, что его заняли. Неважно, кто: аривьенцы, шустрые соседи или попросту бандиты. Пожалуй, ее бы уже не удивило ничто. Но двухэтажный дом, облицованный мрамором, хранил загадочное безмолвие, лишь стекла блестели на солнце, да тени от стриженых кипарисов ложились на расположенные полукругом ступени парадного. Нужно было… просто решиться. И сделать первый шаг.

Вельмина кивнула собственным мыслям, затем прошла мимо закрытых кованых ворот, невольно нахмурившись при виде отбитых завитков. Когда их с Кельвином брали под стражу, ворота ломали. Боковая калитка оказалась не заперта, и Вельмина беспрепятственно оказалась внутри, на идеально ровной дорожке, мощенной ярким, словно яичный желток, ракушечником.

«В конце концов, даже если там живут аривьенцы, я развернусь и уйду», – подумала она, шагая к дому.

Теперь, когда решилась, страшно не было. Наоборот, впервые после известия о гибели Кельвина Вельмина ощутила себя живой и сильной. Вместе с пульсом в висках билась мысль о том, что хуже, чем было, уже ничего быть не может, и именно это окрыляло и заставляло двигаться вперед наперекор всем предположениям.

«Я просто уйду», – повторила она про себя, ступая на облицованные мрамором ступени парадного.

Потом взяла молоток и несколько раз стукнула о бронзовую пластину, специально для этого предназначенную.

Почему-то дыхание сбилось, Вельмина невольно прижала руки к груди. А когда раздались звуки шагов за дверью, перед глазами словно в погасший костер подули: мелкие частички пепла моментально сделали мир нечетким и каким-то бесцветным.

Вельмина моргнула, раз, другой, заставила себя вдохнуть глубже. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется.

«Неужели… аривьенцы?» – успела подумать она.

В замке провернулся ключ. Дверь открылась быстро, резко – и в лицо Вельмине сунули дуло старинного ружья.

– Кого тут?.. – проскрипел знакомый голос и осекся.

– Великие Пять! Госпожа! – А это тоже откуда-то из-за дверей. – Да убери ружье, не видишь, плохо госпоже?!

А Вельмина стояла, понимала, что глупо улыбается, и удивлялась: почему Тавилла говорит о том, что ей плохо? Ей ведь не плохо, наоборот, так хорошо, как будто с плеч свалился мешок земли. Ей в самом деле радостно видеть знакомые лица, старого дворецкого Солветра и его жену Тавиллу, исполнявшую при Кельвине обязанности экономки.

Ружье куда-то делось, Солветр – тоже, оттесненный в сторону энергичной супругой. Вельмина даже не увидела, скорее почувствовала, как в ее руки вцепились пухлые, но при этом шершавые пальцы Тавиллы.

– Госпожа! Что ж вы? Проходите скорее! Как же вы, милая моя, одна, по городу… Не велели доставить каретой… Неспокойно нынче в Пантее, вон, всюду эти, зеленые, так и шныряют, так и шныряют.

Но Вельмина как будто окаменела. Нет, она неплохо себя чувствовала. Да, она была рада тому, что дом де Триолей никем не занят. Но силы оставили, и самое большее, на что их хватало, – не растянуться навзничь на белых мраморных ступенях. Тавилла, как будто поняв это, попросту обхватила Вельмину за талию и силой втащила внутрь.

– Запри, – скомандовала она супругу.

И дверь за спиной Вельмины захлопнулась с сердитым грохотом и треском. Вельмина почему-то вспомнила, что именно так хлопнул дверью Кельвин, введя молодую жену в свой дом после обряда Соединения в храме.

* * *

Потом она спала. Очень долго. Даже не сообразила, как Тавилла помогла раздеться, заставила стянуть грязную сорочку. А потом просто – лицом в подушку, и уставшее, измученное тело укутывают в мягкое пуховое одеяло. Веки сделались тяжелыми, и накатил сон.

Временами Вельмине что-то снилось – мутное, не разберешь. То отец в саду подрезает яблони, то матушка за вышивкой. Еще снился Кельвин, почему-то в ванной с пеной, веселый и довольный, и тогда, во сне, Вельмине делалось стыдно, потому что она помнила о том, что с ним случилось, а стыдно было оттого, что она – живая, а он – уже нет. Наверное, она даже плакала во сне, и тогда чьи-то теплые руки щупали ей лоб, а потом, на лоб же, ложилась до отвращения холодная тряпка, которую Вельмина пыталась стряхнуть – но не получалось. Ведь она спала, тело не слушалось. А еще ей привиделось, что она идет куда-то и несет на руках ребеночка. Маленького, легонького младенчика, о котором она когда-то мечтала, туго спеленатого кружевными пеленками. Идти было легко и радостно, вокруг цвели яблони, и как будто – во сне – этот ребенок был ее, но Вельмина не могла понять, мальчик это или девочка. Ребенок не хныкал, просто спал на руках, смешно причмокивая, и так было умильно смотреть на него, такое счастье ее охватывало, что снова по щекам катились слезы – но уже радости и предчувствия чего-то светлого и хорошего.

А потом Вельмина проснулась и с тоской поняла, что руки у нее пусты и что хорошенького ребеночка у нее больше нет, да и никогда не было. Она уставилась на высокий белый потолок, на котором легли квадраты яркого

солнечного света, несколько мгновений собиралась с мыслями, а потом вспомнила.

Она была приговорена к казни, но королеву и ее дракона убили, король тоже куда-то делся, а какой-то господин пришел и попросту отпустил Вельмину, и теперь она снова дома, и, собственно, дом никто не отобрал.

Вельмина попыталась сесть, но оказалась настолько слаба, что только дернулась под одеялом, но тут же, откуда ни возьмись, появилась Тавилла.

– О хвала Великой Матери! Наконец-то вы пришли в себя! Ну, милая моя, разве можно нас так пугать? Мы с Солветром уж и не знали, что делать и звать ли лекаря, да не решались. Кто их знает, этих лекарей, вдруг им какие приказы относительно де Триолей даны?

Слова сыпались из Тавиллы бодро, словно сухие горошины из прорехи в мешке. А сама Тавилла тем временем помогла Вельмине сесть, ловко натолкала под спину подушек.

– Ну что ж вы, милая моя, – все приговаривала экономка, – сейчас бульончика вам принесу. Счастье-то какое, что вы вообще вернулись. Нам как сказали, что король – да поглотит его Бездна! – вырвал сердце хозяина, так мы только и молились, чтоб если и вас… то хотя бы быстро, чтобы не больно… – Тут она невольно всхлипнула и осенила себя знаком Матери, очертив двумя пальцами вокруг лица, и тут же продолжила: – Но, хвала Пяти, вы живы! Хоть и жар у вас был нешуточный, но все прошло уж, на поправку пойдете…

Вельмина дождалась, пока экономка замолчит, и спросила:

– Сколько я… так?

– Двое суток, милая, двое суток. – Тут Тавилла сделала паузу, а потом снова затараторила: – Давайте-ка я вам принесу поесть, а потом расскажу, какие страсти тут творились, пока вас в тюрьме держали.

На том и порешили. Тавилла тут же унеслась прочь, шелестя юбками, ее белоснежный накрахмаленный чепец мелькнул на фоне деревянной резной

двери – и исчез. А Вельмина устало прикрыла глаза: даже сидеть было тяжело. Но Тавилла так обложила ее подушками, что разобрать эту баррикаду казалось задачей невыполнимой. Пришлось смириться и ждать.

Сидя в спальне, Вельмина рассматривала стеклянные флакончики на туалетном столике и то, как солнечный свет, отражаясь в гранях, рассыпается сотнями крошечных радуг. Все еще была неизвестность. Как поведут себя аривьенцы? Кто теперь будет править вместо королевы? Вернут ли все средства, которые были отобраны у де Триолей? Конечно, дом, судя по всему, пока что не отобрали. Но дальше, что будет дальше? И обязательно нужно послать Солветра к родителям, чтобы передал весточку о том, что дочь их жива и практически здорова и что теперь вдова…

Снова хлопнула дверь, в спальню бодро вкатилась Тавилла. Она всегда удивляла Вельмину тем, что, будучи совсем немолодой – а было Тавилле лет пятьдесят с лишним, – оставалась при этом энергичной и бодрой. За те годы, что Вельмина прожила в доме де Триолей, Тавилла не изменилась совершенно: кругленькая и румяная, но не пышная, скорее, просто крепко сбитая, с большими сильными руками, пухлыми пальцами. И, пожалуй, если бы не Тавилла, Вельмина после первой брачной ночи точно бы руки на себя наложила. Уж слишком неожиданной в исполнении де Триоля оказалась та сторона жизни, о которой она только читала, да и то вскользь. Тавилла же объяснила юной жене, что к чему, утешила и внушила мысль о том, что нечего плакать по таким пустякам, а жизнь как-нибудь да наладится.

Тавилла принесла поднос с обедом, поставила его на табурет, а сама присела на край кровати.

– Ну что, милая, сами покушаете или мне покормить?

– Сама, – шепнула Вельмина, удивляясь тому, как немощно звучит ее голос.

– Как скажете. – Экономка тут же поставила поднос Вельмине на колени.

Там была глубокая тарелка с бульоном, на поверхности которого плавали янтарные круги. Вельмина взяла ложку и, стараясь, чтобы рука не дрожала, зачерпнула бульона. Оказалось: вкусно. Настоящая пища богов. Еще никогда в жизни Вельмина не ела настолько вкусного бульона.

– Вы кушайте, кушайте,? – Тавилла извлекла из кармана передника чистую салфетку и промокнула Вельмине губы, – а я пока расскажу, какие тут ужасы творились.

И она начала рассказывать, то и дело прерывая повествование охами, ахами и проклятиями в адрес королевы и ее кровавого чудовища, дракона то есть. Но, если отбросить все лишнее, произошло следующее: аривьенцы выдвинули войска, перелетели через границу Селистии. Но тут королева оседлала своего дракона и вылетела навстречу. Она-то думала, что дракон сожжет дирижабли, но не тут-то было. Видимо, аривьенские алхимики хорошо продвинулись в изучении алхимии неживого, потому что дирижабли оказались защищены от драконьего пламени, и, хоть королева и пыталась на драконе атаковать их, ничего не вышло. В свою очередь, аривьенцы дали залп из всех пушек по чудовищу. В результате рвануло так, что в Венсейском лесу ели повалило, а от дракона даже клочьев не осталось. От королевы, впрочем, кое-что осталось: рука с королевской печатью на перстне и ровно половина головы. Возможно, осталось еще что-нибудь, но не нашли. И теперь Селистия стала частью Аривьена, и вместо королевы будет здесь аривьенский наместник, герцог какой-то там, Тавилла не помнила.

– А что будет с нами? – задумчиво спросила Вельмина. – Ты не слышала, что говорят про аристократов? Возможно, наместник распределит наше имущество меж своими?

– А вот это, милая моя, вам нужно выяснять, – сварливо заметила Тавилла. – Поправляйтесь, приоденьтесь и отправляйтесь в королевский дворец. Надо записаться на прием к наместнику и выяснить, что дальше-то будет. Доели? Замечательно, вы большая умница. Давайте отнесу посуду…

– Подожди. – Вельмина схватилась за крепкую руку экономки. – А как там… моя лаборатория? Обыск ведь был… Там хотя бы что-нибудь осталось?

Тавилла насмешливо фыркнула.

– Да что ей сделается, вашей лаборатории, милая моя? Кому нужны мышиные хвостики и жабьи сердца? Золото искали. Документы искали. Из хозяйского кабинета все вынесли. А лаборатория – что? Пф-ф-ф, ничто. Таких лабораторий – полна Пантея.

Вельмина вздохнула. Оно и понятно, кому нужна такая ерунда, как алхимическая лаборатория алхимика-самоучки (редкие уроки – не в счет).

Но для самой Вельмины лаборатория несколько лет была единственной радостью в жизни, и потому новость о том, что она уцелела, отозвалась светлым эхом в сердце…

– Подожди, – снова позвала она, – а что случилось с королем? Ведь у королевы был муж…

– Да кто его знает, – Тавилла остановилась в дверях, – никто почти ничего про короля не говорил. Не знаю. Слышала, повесили его.

Глава 2. Подарки герцога Ариньи

Еще через два дня Вельмина, опираясь на экономку, обошла дом. Он, конечно, пострадал во время ареста Кельвина: дверь в кабинет сорвана с петель, мебель побита, все перевернуто вверх дном. Даже стены кое-где попорчены, потому что их старательно простукивали на предмет тайника – простукивали киркой. Еще не повезло библиотеке, стеллажи разбиты и поломаны, а ценнейшие старинные книги грудами свалены на полу. Кое-где светлыми пятнами лежали вырванные и истрепанные страницы. Остальные комнаты остались почти нетронутыми, и Вельмина порадовалась тому, что у тех, кто пришел арестовать заговорщиков в ту ночь, не хватило смекалки простукать стену в главном зале, как раз за маленьким алтарем Матери и Отца, потому что именно там Кельвин хранил часть фамильных драгоценностей.

– Здесь надо все чинить, – уныло сказала Вельмина экономке, – но, боюсь, наши банковские счета мне не вернут.

Тавилла согласно закивала.

– Солветр в одиночку тоже не справится, – изрекла она, – и без денег мы никого нанять не сможем. Вам точно нужно сходить к наместнику и пожаловаться на жизнь. Может быть, хоть деньги вернет.

– А куда остальные слуги делись? – только и спросила Вельмина, хотя ответ был вполне очевиден.

– Так ведь разбежались, кто куда, – подтвердила ее предположения экономка, – как только хозяина арестовали, их как ветром сдуло.

– А вы… вы отчего остались?

Тавилла усмехнулась и покачала головой.

– Но, милая моя, нам незачем куда-то идти. Я пришла сюда совсем еще девчонкой, и я – сирота, жила у добрых людей из милости. Вышла замуж за Солветра, а у него другого дома и не было. Его отец жил здесь с отцом молодого хозяина, да будет ему легко на небесах, а его дед служил деду молодого хозяина. Куда идти? А главное, зачем?

– Ясно. – Вельмина улыбнулась.

Понятное дело, что все, кому было куда идти, разбежались как тараканы. Остались только старики, для которых этот дом был родным. И все же она задала вопрос, который никогда не задавала раньше:

– У тебя есть дети?

Женщина расцвела, отчего сразу стало понятно, что есть.

– А то, – с гордостью ответила та, – парень-то мой живет в Олисме, хорошо живет. Дом – полная чаша. И пятеро детей.

Глядя, как светится доброе лицо Тавиллы, Вельмина с грустью подумала о том, что у нее-то детей и нет, и не предвидится, и, судя по всему, до конца дней своих она будет переливать препараты из реторты в реторту и чертить карты соединения сил. Или, быть может, откроет рецепт исключительной омолаживающей мази и будет продавать ее придворным кокеткам. Ничего плохого в этом нет, но при этом все равно оставалась какая-то маленькая недосказанность, как будто она, Вельмина, так и не сделала за всю жизнь что-то очень важное.

– Вы могли бы переехать к сыну, – пробормотала она.

– Мы здесь прожили всю жизнь, здесь и помрем, – решительно объявила Тавилла. – А вам, моя милая, надо идти к наместнику. В конце концов, нам всем надо что-то есть и во что-то одеваться. А то, может быть, во дворце себе нового мужа присмотрите.

– Я в трауре, – заметила Вельмина, – да не очень-то и хочется… нового мужа.

– Не все мужья такие, каким был малыш Кельвин, – назидательно заметила Тавилла, – идти во дворец надо, моя милая.

* * *

Будучи замужем, Вельмина побывала во дворце ровно один раз и больше ехать туда не хотела, потому что и дворец, и король с королевой вызывали безотчетный ужас. Было что-то… неправильное, как будто неживое в королеве – молодой блондинке с точеной талией и пышной грудью, которая была выставлена напоказ сверх того, что, по мнению Вельмины, позволяли приличия. И было что-то неправильное в короле: хоть он казался молодым и красивым, Вельмина невольно поймала его взгляд, всего раз, – и невольно отпрянула. В светло-серых глазах монарха, имени которого почему-то никто не знал, билась, трепетала самая настоящая агония. Если бы он не был королем, то можно было бы решить, что он – приговоренный к казни, вот о чем тогда подумала Вельмина. А по возвращении домой попросила Кельвина, чтобы тот ее больше во дворец не брал. Кельвин не стал возражать, тем более что во дворце он частенько виделся с любовником, Вельмина была лишней.

Сидя на удобном кожаном диване самодвижущейся повозки, она вспоминала все это и невольно стискивала сумочку. Даже теперь, когда королевы и короля не стало, ехать во дворец было неприятно. Все еще не верилось… что этой парочки больше нет в живых и что королева, которая приказала вырвать Кельвину сердце, и король, который это сделал (даже страшно подумать, какой силой нужно обладать, чтобы руками разорвать человеческое тело), больше никогда не будут мерить шагами просторные дворцовые залы.

Между тем повозка неторопливо ехала по мосту, преодолевая путь из Нижней Пантеи к Верхней. Повозка была открытой, но, хвала Пяти, день стоял безветренный и солнечный, за прическу не приходилось опасаться. Сооружение прически заняло не меньше двух часов и порядком измучило: Тавилла скручивала локоны, подкалывала их шпильками, украшенными синими стеклянными цветами, больно тянула за волосы, а Вельмина боялась лишний раз шевельнуться и так и сидела, немилосердно зажатая в корсет, с тоской разглядывая себя в зеркале. Платье было темно-синим, с белым кружевным воротничком и такими же манжетами. У плеча – приколотая жемчужная брошь. Потому что, как заверила Тавилла, «жемчуг освежает любое женское личико, даже такое смуглое, как у вас, госпожа» Вельмина. И в уши ей вдела скромные серьги с жемчужинками, потому что, если уж не получилось уродиться сногсшибательной красавицей, нужно выглядеть, по крайней мере, свежо. А с красотой не задалось, это правда: кожа смуглая, глаза темные «как горький шоколад», так говорила матушка. И если до замужества Вельмина еще подумывала о том, чтобы осветлить волосы и как-нибудь отбелить кожу хотя бы на лице, то, оказавшись замужем за человеком, которому было совершенно наплевать на внешний вид жены, она эти затеи оставила. И так сойдет.

Повозка плавно перевалила через реку и поползла уже по Верхней Пантее, лавируя меж карет, запряженных лошадьми, и других повозок. Повсюду были видны темно-зеленые мундиры, но – тут уж неясно, кого благодарить, то ли богов, то ли наместника, то ли самого короля Аривьена, – все было спокойно. Просто патрули. Просто расквартированные военные. Такая тихая капитуляция целого королевства. А все потому, что правящую чету, мягко говоря, не любили. Ходили упорные слухи о том, что, когда королеву поставили в известность о голодающей провинции, она сказала что-то вроде: «Ну, если им не хватает хлеба, пусть едят пирожные».

И Вельмина с грустью подумала о том, что, возможно, кто-то из аристократии и договорился с Аривьеном. Может быть, даже кто-то из тех, с кем общался Кельвин…

А потом в просвете между домами показался дворец. На фоне яркого синего неба он казался сотворенным из белоснежного кружева. Центральная башня устремлялась ввысь, как будто давая всем понять, что власть короля – дана богами, и дело всех, кто на земле, просто повиноваться. Впрочем, в одном месте белоснежная башня все-таки была замарана, уродливое черное пятно прилипло к крыше и балкону: именно оттуда вылетала на своем драконе королева, туда

же он и возвращался и однажды просто дохнул огнем. В результате стекла на верхних этажах оплавились, а нежное каменное кружево навсегда почернело. Как ни пытались отмыть, ничего не вышло…

Повозка продвинулась вперед, и ближайший дом снова закрыл дворец. Вельмина нервно стиснула сумочку. Чем ближе к дворцу, тем страшнее становилось. А вдруг наместник не изволит принять вдову де Триоль? А вдруг он занят? А вдруг ее и во дворец не пустят, кто она такая, в конце концов, чтобы что-то там просить у аривьенца?

В какой-то миг Вельмина даже подумала о том, не повернуть ли обратно, но мигом вспомнила доброе круглое лицо Тавиллы, когда та усаживала ее в повозку. Тавилла не поймет. Разочаруется. Еще обидится, а обижать ее не хотелось, потому что на протяжении пяти лет неудачного брака только Тавилла и поддерживала. «Не в вас тут дело, милая, понимаете? Просто Кельвин… он такой. Нет, не потому, что у вас темные волосы и смуглая кожа, нет. Вы не красавица, но хорошенькая. Ой, да будут у вас другие мужчины, ну что вы как маленькая? Не хотите? Ну, дело ваше…»

Очень скоро повозка вывернула на главную улицу, ведущую к дворцовой площади и воротам, дружелюбно распахнутым, но при этом хорошо охраняемым. Извозчик остановил транспорт, шустро спрыгнул на мостовую и помог Вельмине спуститься по откидной лестнице. Потом он поехал дальше, а Вельмина, замирая от чувства неизвестности, двинулась к будке охраны, на ходу расстегивая сумочку и доставая документы, где она значилась как маркиза де Триоль. Навстречу ей тут же вышел гвардеец в темно-зеленой аривьенской форме, Вельмина молча протянула ему тонкий серебряный прямоугольник. Ей нравилось то, как документы оформлялись в Селистии: больше всего это было похоже на прямоугольную плоскую пудреницу, где на внутренней стороне был нанесен оттиск лица человека, которому документы принадлежали, а рядом написано имя, родовое имя и так далее. Оттиск был примечателен тем, что при его нанесении создавалась связь между оттиском и лицом, и таким образом вид оттиска изменялся вместе с внешностью владельца. Конечно же, такие вещи были бы невозможны без алхимии и каллиграфии, и Вельмина, сидя в своей крохотной лаборатории, даже пробовала сделать что-то подобное. У нее получилось – почти – перенести на бумагу изображение собственного лица, но только вот где-то неправильно сформировались связи, и лицо получилось немного опоздавшим. Детским то есть.

– Добрый день, – сказала Вельмина, – мне необходимо увидеть наместника.

Гвардеец посмотрел на нее сверху вниз (поскольку был высок), затем заглянул в документы и почти тут же их вернул.

– Проходите, госпожа де Триоль. Господин наместник во дворце, возможно, вам придется немного подождать: у него совещание.

– Спасибо. – Она спрятала «пудреницу» обратно в сумочку.

Прошагав через площадь за оградой, Вельмина поднялась на высокое крыльцо, и там пришлось еще раз доставать и показывать документы. Впрочем, никто препятствий не чинил, даже объяснили, в каком направлении идти дальше, так что скоро она оказалась в главном холле, а оттуда нырнула в бесконечную анфиладу залов, каждый из которых был оформлен в «своем» цвете. Пока Вельмина шла по великолепным ковровым дорожкам, у нее появилось чувство, будто идет она сквозь разноцветные бусы: так были друг за дружкой нанизаны комнаты. Кое-где у распахнутых дверей навытяжку стояли аривьенские гвардейцы, но никто больше Вельмину не останавливал и вопросов не задавал, так что она спокойно добралась до зала совещаний – бывшего тронного зала. А здесь высокие двери оказались закрыты. Вельмина подошла к одному из гвардейцев.

– Я пришла к господину наместнику, – сказала она, – он ведь здесь?

Мужчина окинул ее внимательным взглядом.

– Да, госпожа. Но вам придется немного подождать. У его светлости совещание.

Вельмина невольно улыбнулась. По крайней мере, она не заблудилась, пришла в нужное место и остается лишь дождаться. Огляделась в поисках, куда бы присесть, увидела у стены банкетку, обитую бархатом. Расположившись на ней, вздохнула с некоторым облегчением, но тут же вздрогнула, когда взгляд выхватил на противоположной стене большую картину.

Там были изображены король и королева. И, хоть Вельмине и были неприятны эти умершие уже люди, она все равно невольно их разглядывала. В этой парочке

по-прежнему было что-то пугающе неясное, но притягательное. Возможно, потому что ничто так не привлекательно, как чистое зло. Королева казалась юной, очень юной – хотя Кельвин и говорил, что она ему в матери годится. У нее была чистая фарфоровая кожа и очень светлые волосы, почти белые. При этом ее внешность нельзя было назвать бледной: на светлом лице ярко выделялись выразительные глаза, темно-зеленые, как мох, коричневые брови с изломом и губы, напоминающие спелую вишню. Королева была изображена сидящей в кресле, подол темно-красного атласного платья стелился по полу. Декольте, на удивление, оказалось очень скромным, но зато по кромке богато украшенным подвесками со сверкающими прозрачными камнями. А за ее спиной стоял король в черном, расшитом золотом и серебром камзоле. Если не знать, что этот человек голыми руками вырывал сердца, чтобы поднести их королеве, то на вид он был мужчиной довольно приятной внешности: открытое лицо, разлет широких густых бровей, светлые глаза. Невозможным оказалось отразить на полотне то, что Вельмина видела в этих глазах однажды, – и поэтому на портрете получился самый обычный взгляд, без того жуткого выражения, когда кажется, что королева подвергает своего супруга самым изощренным пыткам. При этом нос у короля был с легкой горбинкой, подбородок – не тяжелый, скорее, просто решительный. В общем, привлекательный мужчина, а на самом деле – жуткое чудовище. Нельзя не порадоваться тому, что он наконец мертв…

Из размышлений Вельмину выдрал стук распахнутых дверей: из зала начали выходить участники совещания. Они бурно о чем-то переговаривались, и Вельмина насчитала шесть мужчин. Кое-кто был в темно-зеленых военных мундирах. Последним выглянул высокий брюнет в нарочито простом камзоле.

– Ну что, кто-нибудь еще просил о приеме? – спросил он у гвардейца, и тот незамедлительно кивнул в сторону Вельмины.

– Да вот, ваша светлость, госпожа пришла.

Брюнет порывисто обернулся – а у Вельмины екнуло сердце. Она его узнала: это был тот самый мужчина, который приходил к ней в камеру. Все те же напомаженные волосы, широкое, рыхловатое лицо. Тонкие губы и черные глаза, глубоко посаженные, отчего казалось, что господин смотрит на всех с подозрительным прищуром.

– А! – сказал он, быстро оглядев Вельмину. – Это вы? Ну, проходите, я так и думал, что вы здесь появитесь. Но ожидал вас раньше.

Вельмина, чувствуя, что краснеет, торопливо поднялась с банкетки и просеменила к входу в зал. Выходит, сам наместник изволил ревизировать королевскую тюрьму. Наверное, он неплохой человек, если так ревностно отнесся к порученному ему делу?

– Прошу.? – Он сделал приглашающий жест, и Вельмина прошла мимо него в зал совещаний.

Здесь она тоже побывала однажды, и тогда в самом конце зала на возвышении стояло два королевских трона, застланных пурпурным бархатом. Теперь их убрали, а вместо этого посреди поставили большой овальный стол на гнутых ножках и стулья. Один стул все-таки чуть отличался от прочих высокой спинкой. Вероятно, стул наместника.

Вельмина вздрогнула, когда он тронул ее за локоть. И когда только подошел так близко?

– Я – Дэррин Ариньи, герцог Шервии и Метха, – представился он. Сделал паузу. – А вы, насколько мне известно, маркиза де Триоль, нынче вдова.

Вельмина молча кивнула. Вцепившись в свою сумочку, она просто не знала, что делать и что говорить. Ее смутило, что незнакомый мужчина фамильярно поглаживал ей руку, и совершенно было неясно, что последует – и что должно последовать с ее стороны. Но, скорее всего, сделалась она красной как вареный рак, потому что Ариньи усмехнулся и отошел от нее.

– Присаживайтесь, госпожа де Триоль. С моей стороны крайне невежливо заставлять даму стоять. Тем более что вам пришлось пережить немало.

Он отодвинул ей стул, и Вельмина послушно на него уселась. Почему-то в присутствии Ариньи она чувствовала себя жалкой и совершенно беззащитной – да, пожалуй, так оно и было…

Наместник и сам сел за стол напротив, сцепил вместе пальцы рук, а Вельмина про себя отметила, что пальцы у него толстые, бледные и поросшие черными волосками. Почему-то выглядело это отталкивающе.

– Итак, госпожа де Триоль, – начал он, – что вас привело ко мне? Подозреваю, что денежный вопрос, мм?

Растерявшись окончательно, Вельмина кивнула. Он все сразу угадал. А ей… ей сейчас придется просить, просто просить денег.

– Это так, господин Ариньи. – Она подняла взгляд и решила, что для большей убедительности будет смотреть наместнику прямо в лицо. Но сделать это оказалось не так-то просто: взгляд черных глаз буквально прожигал насквозь, и поэтому Вельмина стала смотреть просто сквозь Ариньи. – Наверняка вам уже известно, что муж мой был казнен как один из заговорщиков против короны, а все наши средства отчуждены в пользу короны.

– Но дом пока что ваш, – внезапно резко сказал Ариньи, – что вам еще нужно, госпожа де Триоль?

– Банковские счета мужа, – пискнула Вельмина. И, вспомнив про погром, смущенно забормотала: – Вы понимаете, когда пришли арестовывать мужа и меня… Там ведь… все переломали. Двери, мебель…

– Аривьенская корона вряд ли вернет все ваши средства, – оборвал ее Ариньи, – тем более что они уже наверняка смешались с теми средствами, которые принадлежали вашей королеве… и ее твари.

– Твари?

Надежда на возвращение денег таяла как снег на солнце.

– Дракону, – уточнил наместник, все так же сверля Вельмину взглядом.

– А король? Кто убил короля? – вдруг вспомнила она.

– Так дракон и был королем! А вы что, не знали?

Вельмина не нашлась, что и сказать. Это было новостью. Потрясающей, ошарашивающей новостью… Но, если поразмыслить, разве под силу простому человеку разрывать грудную клетку другому? Наверное, нет. И, наверное, все

давно знали, что король и дракон – одно лицо, только она была слепа и глуха ко всему, а Кельвин не торопился поделиться.

– Королева была сильным алхимиком, – пояснил Ариньи, – ей удалось из человека сделать дракона. Мы, правда, до сих пор так и не разобрались, какой компонент служил катализатором обращения, но все это не так и важно. Дракон мертв. Его просто разорвало на куски от залпа наших орудий, и его плоть обратилась в пепел.

– Понятно, – прошептала Вельмина.

Очень медленно до нее все же дошло, что зря она послушалась Тавиллу, пришла просить денег. Ей никто их не вернет. В самом деле, с чего она вообразила, что наместник будет разыскивать средства де Триолей посреди королевских счетов? Что ж… В тайнике по-прежнему есть какие-то драгоценности. Если продать часть, то этого хватит, чтобы нанять кого-нибудь и отремонтировать дом, а еще хватит, чтобы сделать вклад и жить на проценты… Наверное, очень скромно жить. Но ей много и не нужно.

– Я подумаю над тем, что можно сделать с вашими счетами, – вдруг сказал Ариньи, – и подумаю, как можно помочь вам с ремонтом.

– Спасибо, – прошептала Вельмина, понимая, что краснеет еще сильнее.

– Спасибо, госпожа де Триоль, в карман не положишь, – Ариньи хмыкнул, – но, полагаю, вы придумаете, как меня отблагодарить.

Вельмине в этом померещилась некая двусмысленность, но она не стала уточнять. Решительно поднялась со стула, кивнула, обозначая поклон.

– Все равно, благодарю вас, господин Ариньи…

– Дэррин.

– Господин Ариньи, – упрямо проговорила Вельмина, поднимаясь, – простите, мне пора. Мне жаль, что я отняла ваше время.

– Всего хорошего, госпожа де Триоль. – Он тоже поднялся, глядя на Вельмину с какой-то загадочной улыбкой.

И уже вдогонку добавил:

– Мне уже рассказали, кем был ваш муж. Вам не повезло. Но, надеюсь, скоро судьба повернется к вам совсем иной стороной.

– Мой муж был неплохим человеком, – прошептала Вельмина. – Прощайте, господин Ариньи.

– До свидания, госпожа де Триоль, – донеслось в спину.

* * *

Вельмина едва помнила, как позвала извозчика, как добралась домой. Ничего не говоря Тавилле, она поднялась в свою спальню, заперлась там и просто упала на кровать, не раздеваясь. Визит к наместнику вымотал, выпил все силы. Вельмина то и дело вспоминала, как его толстые волосатые пальцы гладили ее руку, и ее передергивало. Как он смотрел на нее… Странно так смотрел. Кельвин никогда не смотрел на жену так, как аривьенский наместник. И как это понимать? Великие Пять, у нее не было ровным счетом никакого опыта в этих вещах. Да и в каких вещах? Ей совершенно не хотелось иметь ничего общего с этим человеком. Одно было точно понятно: Ариньи ей неприятен. И точно так же закрадывалось недоброе предчувствие, что теперь он просто так не отстанет. Плохой идеей было – идти и просить вернуть отобранные средства…

– Госпожа! – раздался из-за двери голос Тавиллы. – Госпожа, у вас все хорошо?

– Ничего у меня не хорошо, – шепнула Вельмина. Но, одумавшись, крикнула: – Все в порядке, Тавилла! Что ты хочешь?

– Да я… да там… госпожа, вам надобно спуститься. Там, это. К вам пришли.

– Кто там еще? – В душе поднималось едкое раздражение.

– Говорят, от наместника, – голос Тавиллы прозвучал неуверенно, – я пойду, негоже им там одним…

Вельмина застонала.

Ну вот. Кажется, начинается… Но ведь она ничего такого не хотела! Так почему?!

– Сейчас, одну минутку, – пробормотала она.

Поднялась, огладила подол, глянула в зеркало, поправила прическу и, напустив на себя холодный и независимый вид, пошла встречать незваных гостей. В конце концов, это – ее дом, она хозяйка. В конце концов, почтенная вдова… К которой можно бы проявить капельку уважения.

Но когда она спустилась в холл, застала там такую картину, что все слова – да и мысли – куда-то делись.

Тавилла, нахохлившись, с недовольным видом стояла у лестницы и тоже на все это смотрела.

А у входной двери топтались два аривьенских гвардейца, а с ними был еще какой-то оборванный, грязный и взлохмаченный субъект с повязкой на пол-лица. Он даже не стоял – просто уселся на полу, а гвардеец занимался тем, что пинками заставлял его подняться.

Вельмина набрала воздуха в грудь и выкрикнула:

– Что здесь происходит?

Один из гвардейцев, тот, что просто стоял рядом, поспешно повернулся на голос, расплылся в приторной улыбке.

– А, госпожа де Триоль! Мы это… извольте принять подарок от герцога Ариньи.

– Я не принимаю подарков от незнакомых мужчин, я только что овдовела, – отчеканила Вельмина. И откуда только голос взялся! Но она разозлилась. В

самом деле, хотя бы каплю уважения…

– Вам бы лучше его принять, – ответил, нимало не стесняясь, гвардеец, – или этого малого просто вздернут как приспешника королевы. Или отрубят руки как попрошайке. Когда его взяли, он так и не смог объяснить, кто и откуда и чем занимался в пригороде. А его светлость, стало быть, делает доброе дело, отдавая его вам. Просил передать, что вот вам рабочие руки…

– Мне нечем платить, – вставила Вельмина.

– Так и не надо. Он ваш теперь, полностью. До тех пор, пока не соблаговолите отпустить на волю, но лучше бы не отпускать, потому что так он точно попадет на виселицу или на плаху. В Аривьене закон суров к бездельникам и лиходеям.

– Мой? – ошарашенно выдохнула Вельмина. – Я не понимаю…

– Ваш раб то есть. Это его светлость просил передать. Каллиграфы уже ему клеймо поставили, а я вот, колечко вам передаю, хе-хе, чтобы у этого парня дурных мыслей не возникало.

Он подошел к Вельмине и протянул ей тяжелый перстень из стали.

– Извольте, госпожа де Триоль. Если не будет слушаться, просто начинайте командовать. Он не сможет противиться.

– Но…

Вельмина осеклась. Ей хотелось кричать и закатить истерику. Не нужно ей все это! На кой ей раб? Что за дикость? А еще говорят, что цивилизация! Да и не было такого при королеве… Что ей делать с этим оборванцем? Да и вообще, что значит подобный подарок? Издевательство?..

А потом посмотрела на сидевшего на полу бедолагу. Он тихонько раскачивался из стороны в сторону, и было видно, что на плече грязная порванная рубашка прилипла к свежей ране, обширному ожогу.

«Если я сейчас откажусь, его просто убьют. Или покалечат еще больше, чем есть, – подумала Вельмина. – Но если я приму этот подарочек, то буду обязанной наместнику».

– Берите, – сердито сказал гвардеец, все еще протягивая металлический перстень. – Дармовые рабочие руки. Это всегда хорошо.

– В самом деле, – выдавила Вельмина, – куда уж лучше!

Перстень лег в ладонь холодной тяжестью, и точно так же тяжело сделалось на сердце.

– Передайте мои благодарности его светлости герцогу Ариньи, – с трудом проговорила она.

– Всенепременно передам, госпожа де Триоль, – кивнул гвардеец и, уже обращаясь к товарищу, прикрикнул: – Идем, что уставился? Мы приказ выполнили, наше дело маленькое.

Вельмина нашла в себе силы проводить гвардейцев до дверей, все еще сжимая в кулаке перстень. Сама закрыла тяжелые створки и только потом обернулась и посмотрела на «подарочек». Оборванец все так же сидел на полу, его плечи мелко тряслись, и Вельмине показалось, что он смеется.

– Не вижу причин для смеха, – сказала она сердито, – лично мне совсем не смешно. Я не просила его светлость о чем-то подобном. У меня даже в мыслях не было, сколь богата его фантазия!

Оборванец не ответил. Вельмина обошла его по кругу, чтобы заглянуть в лицо, – и, заглянув, отпрянула. Та половина лица, что не была скрыта под повязкой, была багровой, словно и ее опалило. И оборванец не смеялся, нет. Из его единственного глаза, обожженного, покрасневшего, текли слезы, и он беззвучно рыдал, до крови прокусив губу.

* * *

Первой очнулась Тавилла. Она рассеянно поправила чепец – всегда так делала, пребывая в растрепанных чувствах, – затем разгладила передник и громко сказала:

– Ну и жмот.

А вот Вельмина все не могла собраться с мыслями и понять, что же делать дальше. Стальной перстень жег ладонь, и она бы его выбросила, но как тут выбросишь, когда в доме – нищий, израненный и больной, но который может быть и опасным для одной женщины и двух, считай, стариков.

Тавилла в ответ на непонимающий взгляд Вельмины сварливо пояснила:

– Щедрый мужчина никогда бы не сделал такого подарочка, госпожа. Щедрый мужчина прислал бы хорошего плотника и сам оплатил его услуги. А с этим что делать? Великие Пять! Да у него небось вшей полно. Или помрет в нашем доме, попомните мое слово, помрет.

– Подожди, – Вельмина постепенно оживала, – с этим надо что-то делать… Не знаю, правда, что. Давай, напишу наместнику, что он мог бы прислать сразу и лекаря…

– А одежда? Вы только посмотрите, – причитала Тавилла, – лохмотья! У него даже нет одежды. Что ему, голым здесь ходить? Нет, госпожа, жмот – он и есть жмот!

Мужчина затих, успокоился, потом, все еще сидя на полу, повернулся к Вельмине и посмотрел на нее так, что стальное колечко само вспорхнуло на палец. Во взгляде оборванца – а теперь еще и собственного раба Вельмины – полыхала такая ненависть, что она невольно попятилась. Но затем заставила себя шагнуть вперед, ближе, еще ближе, невзирая на предостерегающее шиканье Тавиллы. Остановилась так близко от мужчины, что он при желании мог бы протянуть руку и дернуть ее за подол платья.

– Послушай, – тихо сказал Вельмина, – я не просила о таком подарке. И я могу тебя отпустить, хоть сию минуту. Ты только скажи, у тебя есть дом?

А сама смотрела в единственный уцелевший воспаленный и заплывший кровью глаз. Похоже, этого человека били, причем нещадно, а еще он побывал в пожаре – лицо отекшее, распухшее и похоже на багровую подушку.

Наконец мужчина мотнул головой. Идти, похоже, ему было совершенно некуда.

– У тебя есть родные?

Половина лица скривилась так, что стало ясно: и родных у него нет.

– Хорошо, – Вельмина кивнула, – вернее, ничего хорошего здесь нет, но… если тебе некуда идти, ты мог бы пожить здесь. Я тебя вылечу, а взамен ты поможешь мне навести в доме порядок. Когда нас с мужем арестовали по приказу королевы, здесь много чего испортили.

Кажется, он хмыкнул, горько и одновременно презрительно. Интересно, что бы это означало?

– Ну так что, согласен? – все же уточнила она.

– Госпожа! – сдавленно пискнула Тавилла. – Что вы…

Но Вельмина не слушала экономку, она смотрела на сидящего перед ней человека.

– Если тебе не нравится мое предложение, ты можешь уйти хоть сейчас. Я отдам тебе перстень, – добавила она.

Нищий незамедлительно протянул руку ладонью вверх. Ах вот как? Ничего тебе не нужно, лишь бы не чувствовать себя несвободным?

Она пожала плечами.

– Хорошо. Бери перстень и уходи. Прямо сейчас.

Стянула массивный ободок с пальца и положила его в раскрытую ладонь. По краю ладонь тоже была обожжена, кожа взялась пузырями.

– Госпожа! – умоляюще воскликнула Тавилла.

– Молчи, пожалуйста. Мне не нужен раб, пусть даже это щедрость наместника. И если этот человек знает, куда может пойти, то пусть идет. Я не буду задерживать.

В это время в холле появился Солветр с ружьем наперевес, и Вельмина с грустью подумала, что ружье в руках дворецкого становится традицией в этом доме.

– Ты свободен, – все же сказала она нищему, – иди.

Он кое-как поднялся, и Вельмина с содроганием поняла, что он едва держится на ногах. Наверное, он и так сильно пострадал, а еще его били гвардейцы. Подволакивая ногу, мужчина медленно двинулся к двери, протянул вперед руки, словно пытаясь дотянуться до той единственной преграды, что разделяла его и свободу… А потом внезапно просто упал, сложился, как деревянная кукла. Потерял сознание. Стальной перстень выпал из раскрывшейся ладони и звонко покатился по каменному полу, подпрыгивая.

– Да проглотит меня Бездна! – с чувством сказала Тавилла. – А я ведь предупреждала, что он сдохнет в нашем доме, а нам потом его еще и хорони. Хорош подарочек-то!

– Мне совершенно непонятно, зачем Ариньи это сделал, – пробормотала Вельмина. – Зачем дарить мне умирающего от ран человека?

– Да жмот потому что!

– Наверное… Давайте перенесем его в лабораторию.

– Что?! Госпожа, да что ж вы… что вы там задумали?

Вельмина через силу улыбнулась побагровевшей экономке.

– Тебе ведь не хочется его хоронить за наш счет? Значит, его надо лечить. Мне кажется, раз он пришел сюда своими ногами, то не все еще потеряно.

Солветр наклонился и подобрал перстень. Рассмотрел его, а затем молча вручил Вельмине. Она так же молча надела его на палец.

* * *

В лабораторию оборванец попал на старом, латаном-перелатаном одеяле. Его перекатили туда и тащили по полу. Втроем, хоть Тавилла и пыталась Вельмину прогнать, мол, нечего госпоже руки марать. Потом она все равно Вельмину прогнала, когда дело дошло до снятия грязных повязок и того, что с большим трудом можно было назвать одеждой. Когда повязки были сняты, а Тавилла даже снизошла до того, чтобы оборванца слегка отмыть от грязи и засохшей крови, Вельмину позвали снова.

– Ну вот, госпожа, – сварливо сказала Тавилла, указывая на распростертое на полу тело, – вот он, подарочек наместника-то. Тьфу.

Выразилась Тавилла довольно мягко. В глубине ее близоруких глаз читались куда как более цветистые выражения.

Под повязками оказались рваные раны. И еще ожоги, да такие сильные, что кожа слезла, виднелось голое мясо. То, что ниже пояса, Тавилла прикрыла холстиной – «незачем госпоже смотреть на все это». И на бедре своим видом пугала глубокая рубленая рана, кровь запеклась. В самом деле, странно, как он вообще на ногах держался. Неужели Ариньи не видел, что он отправляет в качестве подарка вдове умирающего?

Вельмина подвинула низкий стульчик и села рядом с раненым. Махнула рукой Тавилле.

– Все, иди. И спасибо вам. Я бы сама не справилась.

– Было бы ради чего справляться, – сварливо заметила экономка, но было видно, что благодарность ей приятна.

Хлопнула дверь лаборатории, и Вельмина осталась в тишине, один на один с раненым. Несколько минут она рассматривала искореженное, обожженное тело. Потом заметила на животе, прямо по центру, странное синее пятно. Она наклонилась ближе и удивленно моргнула при виде изображения королевского герба, которое было загадочным образом помещено под кожу, да еще и переливалось в свете ламп так, словно изображение нанесли черным перламутром. Королевское клеймо… Вельмина помянула Бездну, и на миг ей сделалось так жутко, что зубы застучали. Она с силой стиснула кулаки. Так, успокойся. Ничего плохого не происходит. Вернее, конечно, ничего хорошего тоже… Но ведь этот человек совершенно беспомощен.

И Вельмина продолжила осмотр и, к собственному удивлению, нашла еще кое-что любопытное помимо клейма на плече. Сквозь вздувшиеся волдыри на груди мужчины проглядывал еще какой-то знак, тоже оставленный под кожей – и тоже явно какой-то герб. Но из-за ожогов Вельмина смогла разглядеть только часть темно-зеленого оттиска.

– Как интересно, – пробормотала она, – да на тебе, дружище, места свободного нет. Весь покрыт печатями.

Но нужно было что-то делать. Об этих знаках она обязательно расспросит потом…

И Вельмина занялась делом. Сперва она взяла немного крови мужчины – кровь обязательно должна присутствовать как один из ингредиентов. Затем, полистав справочник «Алхимия живого», собрала все необходимые составляющие раствора и занялась изготовлением субстанции, которая должна была закрыть раны и ожоги. Из мыслей не шел и тот прискорбный факт, что человек этот до определенного момента мог идти в таком-то состоянии и что состояние это просто катастрофически ухудшалось. Поэтому Вельмина взяла еще несколько капель крови и капнула в пробирку с индикатором, который должен был показать, нет ли привязки жизненных сил этого человека к какому-нибудь предмету извне. Привязка обнаружилась сразу: стеклянно-прозрачный индикатор окрасился в пурпур. Становилось все интереснее, и Вельмина занялась изготовлением еще одного раствора, который должен был попросту запечатать утечку жизненных сил в теле мужчины.

Когда оба раствора были готовы, Вельмина наполнила ими два шприца, а затем, присев на тот же стульчик, по очереди ввела растворы мужчине в вену. Делала

она это в первый раз, и нащупать крупную вену оказалось непросто. Прикусив губу, Вельмина несколько раз промахнулась, но затем все-таки попала – и выжала поршень шприца до упора. Медленно, так, чтобы раствор попадал в кровь малыми дозами. То же проделала и со вторым шприцом, и затем прижала к проколам свернутую марлю и подержала, чтобы ранки закрылись.

– Ну, вот и все, – сказала Вельмина, скорее, себе, потому что мужчина по-прежнему не приходил в себя.

Однако спустя несколько минут появились обнадеживающие изменения: дыхание его выровнялось, сделалось глубже, а жуткая краснота ожогов начала бледнеть.

Вельмина, не удержавшись, снова посмотрела на тот, зеленый, герб на груди. По прежнему ничего не разобрать… Но это ничего. Если у этого человека есть хоть капля признательности, может, он и сам что-нибудь о себе расскажет? Одно было ясно: вряд ли это безродный нищий. Он явно выдавал себя не за того, кем был на самом деле, но почему-то Вельмину это больше не пугало. Она как будто помедлила перед тем, как босиком ступить в холодный ручей, а потом решилась и шагнула вперед.

Она поднялась со стульчика, выглянула из лаборатории: старый Солветр дремал под дверью, сидя в принесенном кресле.

Вельмина позвала его, и дворецкий тут же уставился на нее мутным со сна взглядом.

– Давайте оттащим его в гостевую спальню, – попросила Вельмина, – он уже не умрет. Нет больше причины умирать. А раны затянутся. И вшей на нем нет.

* * *

Она просидела у постели неизвестного подаренного ей мужчины до вечера. То и дело трогала его лоб, опасаясь сильного жара, и время от времени щупала пульс на смуглом запястье. Вельмина осторожно брала большую и тяжелую руку в свои, прижимала пальцы там, где звучали отголоски биения сердца, и, поглядывая на хронограф на цепочке, отсчитывала тугие удары. Поначалу она

даже испытывала что-то вроде неловкости оттого, что сидит рядом с совершенно обнаженным незнакомым мужчиной, и не только сидит, но и трогает его, но потом убедила себя, что в этом нет ровным счетом ничего неприличного или пошлого. В конце концов, она его вытащила практически из Бездны, а теперь нужно просто следить за состоянием.

Вслушиваясь в тихое размеренное дыхание, Вельмина старалась думать о том, что теперь, когда ее выпустили из тюрьмы и Аривьен попросту поглотил соседнее королевство, жизнь не будет слишком отличаться от того, как она жила до этого. Даже если не получится вернуть счета де Триоль, она что-нибудь придумает. Продаст часть драгоценностей. Потом нужно будет обязательно узнать, где похоронили Кельвина, и поставить там надгробие. Что-нибудь изысканное, Кельвин был большим поклонником резьбы по камню. Ну а там… Теперь она была вдовой и могла позволить себе многое, например начать изготавливать омолаживающие снадобья и продавать их всем желающим. А еще – Вельмина тут же постаралась отбросить эту мысль подальше – возможно, к ней кто-нибудь посватается. Вот этого не хотелось. Или наоборот, хотелось – Вельмина и сама не понимала. Поймала себя на том, что осторожно поглаживает кисть мужчины, крепкую, перевитую синими венами. У Кельвина были совсем другие руки, тонкие, музыкальные. А тут… Если схватит такой ручищей, мало не покажется.

Вспомнив о том, что наверняка процессы регенерации уже идут полным ходом, Вельмина поднялась со стула и, склонившись над несчастной своей собственностью, осторожно отогнула край простыни. Уж очень хотелось посмотреть, что там за зеленый герб у него на груди. Отогнула – и замерла, не веря своим глазам. Ее снадобье сработало даже лучше, чем можно было предположить: обожженная кожа слезла, а под ней наросла новая – и даже не тоненькая розовая пленочка, какая бывает обычно после ожогов, а совершенно нормальная, здоровая кожа. И под этой кожей малахитовой зеленью поблескивал летящий орел, несущий в когтях извивающуюся змею. Герб правящей династии Аривьена. Вельмина сдвинула простыню ниже – а на животе, сразу под грудиной, красовался герб Селистии, что примечательно – змея, в тугих кольцах душащая орла.

– Бездна знает что, – пробормотала Вельмина.

И, сама не зная зачем, провела ладонью по новой гладкой коже, под которой даже сейчас ощущались тугие мышцы. В этот миг тихо скрипнули дверные

петли, и Вельмина воровато отдернула руку. Не хватало еще, чтобы ее застали за тем, что она беззастенчиво щупает незнакомца.

В дверях появилась Тавилла.

– Там это, – сердито сказала она, – жмот ваш приехал, госпожа. В дверях топчется, желает вас видеть.

И сразу стало неприятно. Вот ведь странно: пока Вельмина сидела рядом с медленно исцеляющимся мужчиной, то чувствовала себя как будто бы на своем месте. Лишь только появился Ариньи – ладони мгновенно вспотели, а грудь словно обручем стянуло.

– А нельзя ли передать ему, что я занята? – пробормотала Вельмина, торопливо натягивая простынь до четко очерченного подбородка. Мельком отметила, что отек почти спал с лица, и что второй глаз, который до этого был под повязкой, почти не пострадал, и что слипшиеся стрелками темные ресницы… придают незнакомцу совершенно трогательный и беззащитный вид… от которого почему-то сердце забилось чуточку быстрее.

– Я говорила, – Тавилла покачала головой, – но этот надутый индюк объявил, что никуда не уйдет и вас дождется. С букетом явился, между прочим.

Вельмина обреченно вздохнула.

– Понятно. Тогда я попрошу тебя посидеть здесь до моего возвращения. Вдруг он проснется?

– Только если с ружьем, – буркнула Тавилла, – кто знает, что у него на уме?

– Я тебе… перстень оставлю. К тому же, когда он придет в себя, будет не сильнее котенка…

Тавилла фыркнула.

– Знаем мы этих котят! Ладно уж, посижу. Идите, госпожа, только вы уж, пожалуйста, будьте осторожны. Вы хоть замужем пять лет и прожили, а

совершенно мужчин не знаете.

– Это точно, – вздохнула Вельмина.

Мужчин она не знала совершенно.

* * *

…И один из них, когда она вышла в холл, с преувеличенным вниманием рассматривал портрет Кельвина де Триоля, где хозяин дома был изображен в охотничьем костюме и в окружении своры борзых.

Дэррин Ариньи был одет роскошно: камзол, переливающийся как павлинье перо, темно-синие штаны, заправленные в высокие, до блеска начищенные ботфорты. За спиной он держал пышный букет садовых гортензий – в этот момент Вельмина с грустью подумала, что первый и последний букет Кельвин подарил ей на свадьбу. А еще, что вышла к гостю она в том же самом синем платье, в котором ездила во дворец, а потом еще и занималась изготовлением препаратов… Вон, капнула на рукав, и теперь там выбеленное пятнышко. А следом со скоростью молнии в голове пронеслась мысль и о том, что если бы она, Вельмина, не была такой никчемной, пугливой и жалкой, то, быть может, Кельвин все-таки предпочел мужскому именно ее общество. Но она была именно такой: воспитанной в строгости девушкой, мало что знавшей о жизни, никчемной, пугливой и жалкой, и с этим ничего не поделаешь, а теперь вот сам наместник пожаловал, да еще с букетом, и совершенно непонятно, чем все закончится.

Печаль была в том, что Ариньи ей не нравился. Совершенно.

Но Вельмина все же взяла себя в руки, подошла и присела в приветственном поклоне.

– Ваша светлость… Удивлена, что вы здесь.

Несколько мгновений Ариньи молча смотрел на нее, а затем – так же молча – протянул букет.

– Госпожа де Триоль… – Он прочистил горло. – У меня выдался свободный вечер. Могу я пригласить вас на прогулку?

Вельмина поднесла гортензии к лицу, вдохнула волшебный, тонкий, пьянящий аромат. Ну надо же! Наместник принес ей букет, приглашает на прогулку, а ей и не очень-то хочется, на самом деле с куда большим удовольствием она бы вернулась в лабораторию и посмотрела, как там ее подопечный.

– Я благодарна за цветы, ваша светлость, – ответила она наконец, – но будет ли это приличным, совместная прогулка? Я ведь только недавно овдовела. Возможно, в Аривьене более свободные нравы, но здесь мы привыкли жить несколько по-иному…

– Да бросьте, – Ариньи склонился к ее лицу, заглядывая в глаза, – у вас был слишком неудачный брак, чтобы долго быть в трауре. И не смотрите на меня так, мне рассказали все и про всех. Ну и, наконец, я подписал указ о возврате вам счетов вашего покойного супруга. Вам не кажется, что я достоин награды?

– Но мне нечем вас наградить, – твердо ответила Вельмина, хотя это стоило ей ох каких усилий. Очень хотелось развернуться и убежать от Ариньи куда-нибудь вглубь дома… Но разве от такого убежишь?

– Мне будет довольно вашего общества, – ответил он, – полно вам. Выходите, повозка ждет.

Коротко обозначив поклон, Ариньи вышел прочь, а Вельмина так и осталась стоять с букетом, вдыхая изысканный аромат. Затем, опомнившись, она заметалась по холлу.

– Солветр! Солветр, иди-ка сюда!

И, едва дворецкий появился на пороге холла, вынырнув из темного коридора, Вельмина всучила ему цветы:

– Поставь их в воду, будь добр.

А сама метнулась в смежную гостиную, к зеркалу, торопливо приглаживая выбившиеся из прически локоны.

Оглядела себя – низкорослая, костлявая и смуглая. Только жемчуг и спасает. Зачем она такому видному мужчине, как Ариньи?

Но делать было нечего, и Вельмина мужественно двинулась к выходу.

…Это оказалась новенькая самоходная повозка, за рулем которой никого не было. Ариньи медленно мерил шагами тротуар, а как только Вельмина вышла, заулыбался, словно довольный котяра. Его улыбка тоже Вельмине не понравилась, но она, помня о счетах и подаренном букете, подошла к нему.

– Вот и ладно. – Ариньи нервным жестом провел рукой по гладко зачесанным волосам. – Позвольте, помогу вам разместиться.

– Вы сами поведете экипаж? – только и спросила Вельмина.

– Конечно. В Аривьене у меня была коллекция таких экипажей, от одноместных до самых крупных, с тремя диванами.

Он подал руку, и Вельмина, опираясь на нее, забралась по откидной лесенке и уселась в пухлое кресло рядом с креслом возницы. Ариньи сложил лесенку ловким нажатием на какой-то рычаг, а сам попросту запрыгнул на свое место. Вельмина с интересом рассматривала устройство повозки. Такие штуки завезли в Селистию именно из Аривьена, и придумали их именно там – потому что в Аривьене в основном занимались алхимией неживого и преобразованием веществ, тогда как в Селистии была повальная мода на трансмутацию живых тканей. Дальше всех в своих изысканиях продвинулась королева, сделав из человека настоящего дракона. Кому-то из мэтров удалось превратить человека в волка, и один мэтр так и застрял в этом состоянии: теперь он жил в зоологическом саду Нижней Пантеи, и на него указывали детям, мол, вон до чего довела наука.

Прямо перед креслом возницы – Вельмина попросту не знала, как еще назвать человека, управляющего таким аппаратом, – из деревянной панели торчала горизонтальная рейка, обшитая кожей, а из пола вырастала целая гроздь рычагов с блестящими полированными рукоятками. Судя по тому, как уверенно

легли пальцы Ариньи на один из рычагов, управлять повозкой он собирался именно ими.

– Вы ездили на этом раньше? – все же спросил он, чуть снисходительно.

– Ездила, – честно ответила Вельмина, но промолчала, что и езда ей не сильно-то нравилась.

Мягкий толчок где-то под ногами – и повозка неторопливо покатилась по улице. Вельмина запоздало сообразила, что ее наверняка увидят соседи и знакомые и на следующий день вся Пантея будет знать о том, что маркиза де Триоль не соблюдает траур, а сразу же бросилась на шею наместнику, но было поздно что-то менять. Поэтому она спокойно сидела и смотрела по сторонам – на вечернюю улицу, на фигурно стриженные малахитовые кипарисы, на светлые фасады домов и затейливые ограды. Над Пантеей повисли сумерки, и небо было нежно-лиловым, каким оно бывает только по весне, и на клумбах алыми мазками распускались тюльпаны, и кусты жасмина уже были усыпаны белыми звездами. Вельмина вдохнула поглубже и невольно улыбнулась. После королевской тюрьмы даже воздух казался невероятно вкусным.

– Куда мы едем? – спросила она у Ариньи.

– Я позволил себе заказать столик в «Звезде Пантеи».

– Что обо мне потом скажут, ваша светлость?

– Дэррин, – сердито поправил он, – мне будет крайне приятно, если вы перестанете тыкать мне в лицо этой «светлостью». И, честно говоря, плевать я хотел, что потом скажут… Но скажут ли? Местные аристократы будут молчать, потому что понимают, что хозяин поменялся и что они целиком и полностью зависят от того, будет ли новый хозяин к ним благосклонен.

«Понятно», – подумала Вельмина, а вслух спросила:

– Зачем вы подарили мне раба… Дэррин? Разве в Аривьене до сих пор есть рабство?

– Конечно, есть. И, полагаю, это правильно. В рабство в основном попадают преступники или банкроты. Кроме того, банкрот может продать в рабство кого-нибудь из своей семьи, и даже необязательно до конца жизни. По-моему, все справедливо.

– Но зачем вы подарили мне умирающего раба? Вы же видели…

Тут Дэррин фыркнул.

– Умирающего? Хотел бы я быть таким умирающим! Его пока скрутили, он одного нашего парня помял так, что тот теперь в госпитале с переломанными ребрами, а другому сломал руку. Пусть скажет спасибо, что я его не вздернул сразу же! Впрочем, – он покосился на Вельмину, – если он будет валять дурака и плохо работать, вы можете его мне вернуть. Я его повешу.

Вельмина промолчала. Все сводилось к тому, что тот мужчина, который сейчас спал в гостевой спальне, был попросту к чему-то – или к кому-то – привязан, и когда привязка разорвалась, он и начал умирать.

– Он жутко обожжен, – несмело сказала Вельмина. – Где вы его нашли?

– В пригороде шатался. Да и ерунда все это, он здоров и силен как бык. Если вас так беспокоит его здоровье, могу вам лекаря вызвать, пусть осмотрит.

– Не надо. Я сама все сделала.

– Так вы еще и лекарь? Ну надо же!

Вельмина хотела сказать, что она – немножко алхимик, но почему-то не стала. В конце концов, Ариньи она совсем не знала, чтобы откровенничать.

Между тем они подъехали к «Звезде Пантеи», роскошному особняку, фасад которого выходил на первую линию от реки, а балконы соответственно на реку, с видом на Верхнюю Пантею и кружевной шпиль дворца. Ариньи учтиво подал руку, помогая спуститься, и решительно повел внутрь.

Шагая сквозь главный холл, Вельмина понимала, что краснеет: на нее смотрели, она это чувствовала. Потом стало еще хуже: выяснилось, что Ариньи заказал столик даже не в общем зале, а в отдельном кабинете с балконом и с видом на Верхнюю Пантею. То есть получалось, что они будут ужинать наедине. Что делать? О чем с ним разговаривать? Не сидеть же в тишине, уплетая поданные блюда?

Вельмина села за стол, великолепно сервированный. Взгляд заполошно метнулся, обегая комнату, наткнулся на широкий диван. Вельмина нервно схватила вилку. Поймала тяжелый взгляд Ариньи и уставилась в пустую тарелку.

– Да что с вами? – спросил он. – Что-то не так?

– Нет-нет, все так, – запинаясь, пробормотала она.

– Тогда какой Бездны?..

Вельмина оторвала взгляд от белого фарфора и твердо посмотрела на Ариньи.

– Все так… Дэррин. Но и вы… должны меня понять. Здесь совершенно другие нравы. Меня так воспитали…

– Забитой мышью вас воспитали!

– Пусть, – согласилась Вельмина, – но сразу этого не изменить. И мне непривычно… и даже стыдно идти на ужин с мужчиной, который мне не муж. Тем более что муж только на днях был предан земле…

Ариньи энергично рубанул ладонью воздух, словно отсекая все, только что услышанное.

– Я вас понял, госпожа де Триоль, – резко сказал он, – но поужинать-то вы со мной можете? Кажется, от вас не убудет. А мне приятно. Будем разговаривать. Просто разговаривать, согласны?

Вельмина послушно кивнула.

– Да, согласна. Что бы вам хотелось услышать?

В это время принесли первые закуски, и Вельмина поняла, что не помнит, когда ела в последний раз. Она осторожно подцепила вилкой крупную очищенную креветку из салата и отправила ее в рот. Официант поднес Ариньи запечатанную бутылку вина, тот придирчиво осмотрел этикетку и кивнул. Вельмина была равнодушна к вину. Нет, конечно же, она его пробовала, но вскоре ей стало неинтересно. Взвешивание составляющих алхимических препаратов казалось куда более увлекательным…

– Итак, – сказал Ариньи, поднимая наполненный до краев бокал, – за встречу с прекрасной, освобожденной из темницы маркизой де Триоль!

Вельмина улыбнулась и пригубила вина, в то время как Ариньи свой бокал осушил почти одним глотком и кивнул официанту, мол, наливай еще.

Сложив домиком толстые пальцы, он уставился на Вельмину, пристально рассматривая ее, затем попросил:

– Расскажите мне, как так получилось, что вы оказались замужем за де Триолем? Почему вы его выбрали? Красив был, мм?

Вельмина пожала плечами.

– Все очень просто, Дэррин. В Селистии девушки из богатых, да и не очень богатых семей никогда не выбирают себе мужа. Обо всем договариваются родители. И Кельвин… он приехал однажды к нам и сразу пошел поговорить с отцом. Вот и все. Отцу не было резона отказывать родовитому жениху, так я и оказалась замужем.

– Я надеюсь, ваш муж снизошел к вам хотя бы в первую ночь?

Кровь ударила в голову, и Вельмина поняла, что вот именно сейчас она расплачется от горького и жгучего стыда. Снова все просыпалось в памяти: и то, как ей было невыносимо видеть еще одного мужчину на супружеском ложе, и то, как ей было потом больно и неприятно…

– Я не хочу об этом говорить, – просипела она.

И, не зная, что делать, схватила свой бокал и сделала несколько больших глотков. Теплая волна прокатилась по горлу, а глаза внезапно заслезились. Огоньки свечей поплыли и размазались в полумраке, который должен был быть приятным.

Ариньи, видимо, сообразил, что сболтнул лишнего.

– Прошу прощения, – пробормотал тихо и потребовал третий бокал. – Мне жаль, что у вас все так получилось.

Вельмина покачала головой.

– Вряд ли вам жаль на самом деле. Но я все равно не хочу это обсуждать. У нас не положено выносить отношения с супругом за пределы дома, понимаете? И мне бы хотелось… – тут она вспомнила, чего на самом деле ей хотелось несколько часов назад, – мне бы хотелось хотя бы немного уважения к вдове.

– Как скажете. – Ариньи скривился и принялся за отбивную, чудесную отбивную на подушке из тушеных овощей.

Вельмина тоже ковырнула вилкой свою порцию, но почему-то кусок в горло не шел. Она подумала, что на самом деле имеет право сказать «нет» человеку, который ей не очень-то приятен, а Ариньи ей и в самом деле неприятен, где-то на животном уровне, неподвластном разуму. С точки зрения рационального рассудка, конечно же, Вельмине следовало быть ласковой с наместником, который мало того что обещал вернуть счета, так еще и раба подарил, и букет прекрасных гортензий. Но что-то внутри Вельмины горячо протестовало против общества этого мужчины. Взгляд постоянно искал – и, как назло, постоянно находил все новые черты, которые были Вельмине неприятны. То толстые бледные пальцы, то слишком напомаженные и зализанные назад волосы, то рыхлые щеки, которые того и гляди сползут на воротник-стойку, то объемное брюшко, нависшее над поясом.

«Мне не нужно было с ним ехать, – грустно подумала Вельмина, ковыряясь в тарелке, – мне не нужно было даже давать ему ложную надежду. Это некрасиво и непорядочно».

Дальше разговор как-то не клеился. Ариньи спрашивал ее о малозначимых мелочах, она покорно отвечала. Потом, после второй бутылки вина, стало ясно, что у Ариньи язык слегка заплетается, и Вельмина с тоской подумала о том, что им ведь еще обратно ехать. Она вздохнула с облегчением, когда подали десерт. Ей было душно, несмотря на распахнутое в весеннюю ночь окно, душно оттого, что Ариньи подсел ближе и то и дело трогал ее то за руку, то за плечо, а то и вообще положил ладонь на коленку. Вельмина аккуратно сняла тяжелую мужскую руку с коленки и переложила ее на стол. Ариньи кисло покривился, но промолчал.

Наконец ужин закончился, они вышли к повозке. Ариньи с видимым трудом забрался в свое кресло, почему-то позабыв помочь Вельмине. Она справилась и сама, только лесенку не стала убирать – да и как бы она ее убрала, сверху?

Ехали тоже раздражающе долго, как будто Ариньи специально петлял по проулкам, залитым лунным светом, и Вельмина выдохнула с облегчением лишь тогда, когда повозка остановилась напротив дома де Триолей.

Ариньи, тяжело сопя, повернулся и посмотрел на нее.

– Что ж… Благодарен вам за прекрасный вечер, госпожа де Триоль. Надеюсь, что не последний…

Вельмина покачала головой.

– Не нужно больше ко мне приезжать, Дэррин. Простите меня. Не нужно было мне ехать…

– А как же счета мужа, дорогая моя? – Он прищурился и мгновенно из добродушного увальня превратился в злобного, ощерившегося и опасного мужчину. – За все надо платить, – сказал Ариньи. – Надеюсь, вы это понимаете.

– Да зачем я вам? – с тоской спросила Вельмина. – Вокруг полно достойных женщин. Любая бы…

Ариньи хмыкнул. И пьяно икнул.

– Но вот беда, хочу-то я вас. Такую маленькую, смугленькую. С аппетитными маленькими сиськами. Я не привык, чтоб мне отказывали.

И, не успела Вельмина и пикнуть, он запустил свою лапищу ей в прическу, а сам накрыл ее губы своими.

…Отвратительно. Невыносимо и отвратительно.

Вельмина попыталась оттолкнуть его, колотя кулаками по необъятной груди, но, наверное, это только раззадорило наместника.

– Ну не ломайся, крошка, – пропыхтел он, выдыхая ей в рот. – У тебя просто не было нормального мужчины.

Он сдавил ее лицо, заставляя открыть рот, еще с минуту его язык хозяйничал там…

– Пусти! – с трудом выдохнула Вельмина, изо всех сил отталкивая его плечи.

Ариньи откинулся назад и, глядя на нее, расхохотался.

– Можете идти, госпожа де Триоль! И, – пьяно погрозил пальцем, – помните о счетах. О денежках, таких хорошеньких золотых денежках! Они ведь в моих руках, дорогуша. Захочу – верну. Только вам придется как следует постараться.

Чувствуя, что еще немного – и ее стошнит, Вельмина горошиной скатилась со ступенек экипажа и бегом бросилась в дом. Определенно, сегодняшний день ей запомнится надолго, и в голове звонкими молоточками перестукивала мысль: что делать? Что теперь делать? Она ведь не хочет… не согласна… куда бежать?

Глава 3. Дом маркизы де Триоль

Веки были тяжелыми и непослушными, так же как и все тело. По ощущениям – мешок, набитый песком, тяжелое и как будто существующее отдельно от разума

тело.

Мимо проплывали далекие, наполовину стершиеся воспоминания, похожие на цветные пятна, что ложатся на пол, когда солнечный свет проходит сквозь витражи. Там снова была скрюченная гадалка в бархатной шапочке, загорелая до черноты, в тонкие седые косицы вплетены цветные нитки с лазуритовыми бусинами. Она указывала на Итана кривым пальцем. Ты наденешь корону, мальчик, только перейдя топь. И будешь женат на настоящей королеве. Гадалка распадалась цветными стеклышками, как узор в калейдоскопе, а вместо нее появлялся отец, такой, каким его Итан запомнил в тот самый последний вечер, когда еще жил во дворце. У отца была совершенно лысая голова и пышная огненно-рыжая борода, сам же он был грузным, да и вообще просто необъятным. В щель между дверью и косяком было видно, что и лицо, и шея у отца сделались бордовыми, и при этом кричал он так, что стекла в окнах дребезжали. Кричал на матушку. Что-то страшное, очень обидное… Но Итан не понял что и теперь уже не мог вспомнить. Он протянул руки к отцу, пытаясь заставить его замолчать, хотел спросить, что же тогда случилось, но и отец рассыпался стеклянным искристым крошевом, а Итан…

Он снова был драконом, и снова у основания шеи сидела тварь, куда более злобная и кровожадная, чем сотворенный ею дракон. С каждым взмахом крыльев все ближе и ближе дирижабли Аривьена, и он несется им навстречу, уже понимая, что ловушка захлопнулась, но с отчаянным весельем обреченного, с нетерпением умереть – и освободиться. А потом дирижабли разворачиваются и дают залп, и синее небо закрывает бушующее пламя. Итана треплет, клочья драконьей шкуры летят вниз, и вместе с ними вниз летит и он – хрупкая человеческая фигурка. А потом все поглотила огненная бездна, которая, так же как и отец, и гадалка, рассыпалась оранжевыми стекляшками.

И над ним – высокий потолок с лепниной и росписью, вокруг сумерки, а на потолке – золотистый полукруг от лампы, которую зажгли внизу.

Теперь… надо вспомнить.

Почему он здесь?

Воспоминания пришли послушно, такие яркие, что на мгновение Итан даже почувствовал запах гари…

Ни залп из орудий, ни падение его не погубили. Даже не особо навредили, потому что он смог для начала уползти подальше от того места, где погибла королева Селистии. Украл в ближайшей деревне какое-то тряпье, оделся. А потом… видимо, серебряная куколка расплавилась, и процессы регенерации повернули вспять. Только поэтому его и скрутили. Поставили рабское клеймо и подарили какой-то пигалице.

Ненависть в душе… Да какой Бездны? Чем он так провинился, что, даже умерев для всех, он снова оказался в рабстве у какой-то очередной бабы? За что-о-о?! А ведь так хотел хотя бы сдохнуть свободным…

Он вдруг насторожился, все еще лежа неподвижно. Что-то не складывалось, какие-то кусочки мозаики потерялись – либо оказались вовсе не тем, что ожидалось. Итан точно знал, что умирает: раны открывались, ожоги не заживали, и силы утекали как вода сквозь сито. Выходило, что он уже должен был отправиться на суд Пяти, но почему-то снова открыл глаза.

Прислушался к себе. Тело – одеревенело, непослушное, тяжелое. Боли, однако, не было, как будто все зажило. И дышалось легко. Только вот рассудок все еще мутился, и мерещились… то гадалка, то маленькая смуглая женщина с каким-то беспомощным, детским выражением лица, то отец, который страшно кричит на матушку…

Он отмахнулся от невесомых, мимолетных видений и снова уставился на потолок. Внезапно захотелось повернуть голову и посмотреть, кто сидит рядом с зажженной лампой… Но не получилось. Как будто разум заключили в деревянную куклу, и он, Итан, отныне будет шевелиться только тогда, когда им захотят поиграть. Проклятая Бездна!

Ему не хотелось быть игрушкой. Все, о чем он просил Великих Пятерых, – чтоб хотя бы умереть свободным. Но и в этом ему было отказано, с особым цинизмом отказано. Его снова сделали рабом.

«Ничего, – подумал он, – тут либо надо умереть, либо сбежать. И если я до сих пор жив, то, наверное, что-то произошло, что-то очень важное… И коль я до сих пор не умер, значит, смогу убежать. Никакое клеймо, никакое колечко меня здесь не удержат».

И он даже улыбнулся собственным мыслям, потому что знал: его решимости хватит, для того чтобы срезать нанесенное каллиграфом клеймо. Да он, пожалуй, и зубами его выгрызет, дайте только возможность повернуть голову…

Скрипнула открываемая дверь, едва слышно, и точно так же, на границе слышимости, – мягкие неторопливые шаги. Итан закрыл глаза. Кто бы это ни был, пусть думает, что он еще не пришел в себя.

– Тавилла, ты что, уснула? – Тихий и очень усталый голос.

– Ой… Так ведь ночь, госпожа, миленькая. Ну и этот ваш… не шевелится. Но вроде бы дышит. – А этот голос куда старше. Итан вспомнил, что тогда, в холле, присутствовала еще и немолодая коренастая женщина, по виду – прислуга. Скорее всего, это и есть она.

– Чтобы он зашевелился, надо еще приготовить катализатор, – негромко ответил первый голос.

И, услышав это, Итан мысленно проклял всех богов. Мало того что его сделали рабом, так он еще и попал к бабе-алхимику! Хуже некуда, в самом деле. Однако он нашел в себе силы по-прежнему лежать с закрытыми глазами, и даже дыхание почти не сбилось.

– Госпожа, милая моя, как ваша прогулка-то прошла?

Вздох. Он был исполнен такой горькой безнадежности, что Итан даже удивился. И с чего бы ей так горевать?

– Плохо, Тавилла. Отвратительно. Господин наместник намекает, что вернет счета мужа, но только в том случае, если я стану его любовницей…

– Так что в том плохого? – искренне удивилась служанка. – Вы-то, чай, не девица уже.

– Да что ты говоришь? – Голос госпожи вдруг сорвался. – Я даже представить не могу, чтоб с ним… Да что там, противный он. Не хочу.

– Может, стерпится, а там и понравится, – проворчала служанка.

А Итану захотелось ее удавить. Потому что он, как никто другой, знал, каково это – когда не можешь себе представить, когда противно, а тебя никто не спрашивает, хочешь или нет.

«Старая дура», – заключил он, продолжая слушать.

– Он сегодня напился в ресторане, целоваться полез, – пожаловалась госпожа, – я думала, меня стошнит.

– У вас просто не было нормального мужчины.

– Он мне то же самое сказал. Но, знаешь, такого мужчины мне точно не надо. Он… он просто омерзителен. Я не перенесу, если…

И резко замолчала, как будто задумалась.

– Ты как-то говорила, что у Кельвина есть поместье на севере.

– Говорила. Но мы с Солветром там никогда не были. Мы всю жизнь жили здесь. Кельвин как-то обмолвился, что то поместье досталось от погибшего брата…

– Если это поместье не отобрали, то, возможно, нам лучше уехать туда? Тебя ведь в Пантее ничего не держит? А так исчезнем – с глаз долой, и он обо мне забудет.

– Если не отобрали… – задумчиво произнесла служанка. – Мы никогда там не были. И Кельвин ни разу туда так и не съездил… А так-то, милая, куда скажете, туда и поедем. Но пока мы здесь, неплохо было бы еще девушку мне в помощь нанять. Дом большой, убираться в нем надо, а я – одна. А этот, – тут Итан понял, что указали на него, – это мужчина, он прибираться не будет, да и вряд ли умеет. За ним самим придется убирать…

– Хорошо, завтра дадим объявление. Может быть, кто-нибудь из старых слуг вернется? Солветр может сходить, например, к Аринке… Впрочем, неважно. Знаешь, Тавилла, принеси сюда одежду на этого…

– Да где ж я ее возьму? Солветр куда как меньше.

– Возьми… что-нибудь у Кельвина в гардеробной. Что-нибудь простое. Рубашку, штаны. Что-нибудь из нательного белья…

– Жирно ему будет, – буркнула Тавилла.

Итан же про себя усмехнулся. Похоже, служанка его заранее терпеть не могла – впрочем, как и он ее.

– Принеси, будь добра. – Голос госпожи сделался холодным.

Снова тихо скрипнула закрываемая дверь, и снова раздались мягкие, почти невесомые шаги. Итан услышал чье-то дыхание, прямо над собой. И лежать с закрытыми глазами стало невыносимо, да и не нужно больше. Он открыл глаза и зло уставился на склонившуюся над ним госпожу, а потом сам себе удивился: вся ненависть – а ведь он должен был ее ненавидеть, новую хозяйку, – вся его жаркая ненависть вмиг остыла, подернувшись серым пеплом. Госпожа… было видно, что она отчаянно рыдала, глаза красные, опухшие, и следы от слез на щеках, и такое выражение отчаяния на лице, что… Нечего тут ненавидеть.

В конце концов, напомнил себе Итан, к ней привязался наместник и шантажирует счетами мужа. Надо будет узнать хотя бы, кто эта смуглянка. Видно ведь, что дом хороший и одежда на ней дорогая… Но при дворе он ее никогда не встречал, в те редкие разы, когда королева заставляла выходить с ней.

– Ну, с возвращением, – сказала женщина тихо, – благодари Пятерых, что я догадалась посмотреть твою кровь на предмет внешней привязки. Так бы ты уже умер. А теперь выздоровеешь и будешь жить.

Итан ничего не сказал – да и не смог бы. Из всего тела подвластны были только глаза. Все, что он видел, – это растерянное, опухшее от пролитых слез личико, белый кружевной воротничок, старомодную жемчужную брошь на синей ткани платья. Смотрела она настороженно, как будто маленькая птичка, подбирающаяся к зернышкам.

«Все мы как те птички,? – мелькнула горькая мысль, – прыгаем-прыгаем, а потом раз – и в силках. И все…»

– Послушай, – мягко продолжила она, – пока ты еще окончательно не пришел в себя, будешь меня слушать независимо от своего желания. Мое предложение в силе. Я не просила наместника дарить мне раба, мне это не нужно. И если у тебя есть куда пойти, то – клянусь! – я отдам тебе это.

Она покрутила рукой, где на указательном пальце тускло поблескивал стальной перстень с вставкой из металла же.

– И ты волен уйти. Но если тебе идти некуда, то ты мог бы задержаться в моем доме и в самом деле помочь с ремонтом. Все же я тебя спасла. А потом я все равно отдам тебе перстень… Да, Бездна, я даже заплачу тебе. И иди куда хочешь.

Она помолчала, пристально разглядывая лицо Итана. Нахмурилась. Сжала губы.

«Если не узнала сразу, то, наверное, и не узнает», – успел подумать он до того, как она сказала:

– У меня странное чувство, будто я тебя уже где-то видела. Но не могу понять где. Возможно, мы встречались? Закрой глаза, если это так.

Итан замер, заставил себя даже не моргать. В голове эхом звякнули слова королевы: тебе такое не простят…

И поэтому лучше никому не знать, что он и есть та самая ненавидимая всеми кровожадная тварь.

– Хорошо, – задумчиво произнесла госпожа, – тогда сейчас я схожу в лабораторию, чтобы приготовить для тебя катализатор, а ты пока отдыхай. Да, прошу прощения… Забыла представиться. Я Вельмина де Триоль, вдова маркиза де Триоля. Моего мужа казнил король, совсем недавно…

И замолчала.

Итан же, если бы мог, рассмеялся. Похоже, все боги ополчились на него: мало того что не дали умереть на свободе, так еще и швырнули в руки женщине, мужа которой он собственноручно убил. Прелестно, просто прелестно.

Определенно, надо уходить из этого дома чем скорее, тем лучше.

Ведь рано или поздно она его узнает, и тогда… А что тогда? Тогда все равно придется бежать или, наоборот, начать убивать всех подряд. Вот этого, последнего, не хотелось. Он был сыт по горло потоками крови, которые королева лила его руками. Ее же всегда оставались чистенькими, белыми, с аккуратными розовыми ноготками. Тьфу, даже думать мерзко.

* * *

Итан по-прежнему не мог пошевелиться, и все, что оставалось – таращиться в потолок, рассматривать старательно выписанные букетики фиалок, багряные ленты и восходящее солнце.

Пожалуй, было даже хорошо, что он полностью обездвижен, потому что, если бы мог шевелиться, уже бы попытался сбежать или сотворил какую-нибудь глупость. А так появлялось время подумать и хотя бы попытаться спланировать дальнейшие действия.

Итак, следовало начать с того, что он перестал умирать: вдова де Триоля запечатала ту дыру, которая осталась после разрушения привязки, созданной королевой. А коль перестал умирать, следовало бы подумать не о том, чтобы сдохнуть гордым и свободным, а о том, как и где дальше жить. Мысль о том, чтобы остаться в доме Вельмины де Триоль, Итан отмел как совершенно негодную: здесь его могли узнать в любую минуту. И это же ставило под угрозу не только его жизнь, но и жизни тех, кто рядом, маркизы в том числе. Да-да, следовало признать, что король-дракон так и не стал выхолощенной, пустой оболочкой без сердца и совести, как этого хотелось бы королеве. Итан, хоть и не желал служить очередной хозяйке, зла ей тоже не желал. Даже наоборот, хотел, чтоб эта куколка с темными выразительными глазами и темными кудрями жила долго и счастливо. Подальше от него – и все-таки счастливо.

Далее… Если он собирался покинуть дом де Триолей, следовало подумать о двух, даже о трех вещах: у него нет ни документов, ни денег, ни места, где бы он мог спокойно жить дальше, не опасаясь быть узнанным.

Итан размышлял о том, что мог бы уехать из Селистии куда-нибудь… Да хоть в тот же Аривьен. Возможно, ему и надо именно туда. Но для того, чтобы уехать, нужны хотя бы деньги, а в идеале – еще и документы. Ничего этого пока что нет. Можно ограбить вдову де Триоль, но такой поступок выглядел совсем уж гадко, что даже развеселило Итана. Ну надо же! Он собственноручно убивал по приказу королевы, а теперь не решается ограбить вдовушку. Правда, с королевой у него совсем не было выбора, руки двигались помимо воли, но все равно… По локоть в крови, а тут надо же, как расчувствовался.

Но ведь сама маркиза де Триоль предложила ему заработать, ремонтируя дом. Можно задержаться на несколько дней. Получить деньги, справить документы, а затем уехать.

Правда, был во всем этом маленький нюанс: Итан умел стрелять из пистолета, превосходно фехтовал и мог свернуть противнику шею голыми руками. И совершенно не умел чинить мебель или стены. А если Вельмине не понравится то, как он отремонтирует… что ей там нужно, и она не заплатит?

Итан хмыкнул. Забавная складывалась картина, но не безнадежная.

К тому моменту, как вернулась служанка с одеждой, решение все-таки было принято. Итан собирался немного поторговаться с госпожой де Триоль и задержаться в этом доме дней на десять. Ну, а если она его все же узнает – тогда придется бежать.

Жаль, что он не может по собственному желанию превратиться в дракона. Для этого у королевы Лессии был специальный катализатор, и Итан даже знал его название – но понятия не имел, как его добыть, не выходя из дома.

* * *

– Госпожа, вы бы спать ложились, завтра будет новый день, все успеете…

– Ничего. Днем отосплюсь.

– Да что вы над ним так трясетесь? Бездомный попрошайка, а может, и лихой человек, а вы за ним так, словно сам король!

Итан едва не поперхнулся воздухом, так близка к истине оказалась Тавилла. Только и оставалось надеяться, что Вельмина его не узнает. Все-таки она если его и видела – то во дворце, причесанным, чистым и роскошно одетым, Лессия обожала его наряжать как куклу. Да он, собственно, и был все эти годы ее личной куклой. Теперь же… Израненный, возможно, в шрамах. Спутанные волосы, грязь… Нет, не должны узнать!

Он почувствовал, как над ним склонилась Вельмина, и открыл глаза. И поразился тому, каким сказочно красивым показалось ее лицо в слабом свете. Смуглая кожа напоминала нежную кожицу персика, а ресницы были такими густыми и длинными, что сам взгляд казался мягким, бархатным, но при этом как будто обращенным внутрь себя. Нос – немного длинный и с заметной горбинкой, но узкий, аристократичный. И губы – удивительно гармонично сочетающиеся с формой лица, не слишком тонкие и не слишком пухлые. Бантиком.

«Тебе было мало Лессии? – одернул он себя. – Не налюбовался?»

– Сейчас я введу тебе катализатор, и подвижность начнет возвращаться, – задумчиво произнесла Вельмина де Триоль. – Сперва ты сможешь заговорить, затем повернуть голову… Ну и так далее. Очень рассчитываю на то, что тебя не придется привязывать к кровати.

Итан закрыл и открыл глаза, тем самым давая понять, что согласен.

– Хорошо. – Она устало улыбнулась и исчезла из поля зрения.

А он почувствовал, как ее теплые пальцы коснулись предплечья, аккуратно поползли вверх, нащупывая вену. Затем повыше локтя был затянут жгут, и что-то холодное кольнуло в локтевой сгиб.

Еще через мгновение во рту стало горько, а перед глазами замельтешили цветные круги. Вену тянуло тупой болью, но Итан терпеливо ждал, понимая, что

все это – ввод катализатора. И, к радости своей, понял, что чувствует собственный язык, и челюсти, и щеки.

– Зер… кало, – с трудом, еще неразборчиво выдохнул он.

Вельмина извлекла иглу из вены и согнула его руку в локте.

– Зеркало? Зачем?

– По… пожалуй…ста, – с трудом ворочая языком, попросил Итан.

От результатов осмотра зависело слишком многое.

Но он даже смог повернуть голову, когда Вельмина отошла в сторону. Оказалось, отошла она к бюро с кокетливо резными боковыми полками. А еще оказалось, что она так и не переоделась, все в том же синем платье с жемчужной брошью. Уже была глухая ночь, а она так и не переоделась. Вельмина взяла с полочки небольшое круглое зеркальце и вернулась.

– Вот, смотри.

И Итан увидел себя после того, как в него дали залп взрывными снарядами.

Что ж… на самом деле он ожидал большего. А тут всего-то кривой шрам, ветвящийся ото лба через бровь, глаз, скулу – это то, что было под повязкой. Веко, задетое раной, осталось немного опущенным. А то, что просто опалило жаром, благодаря алхимии выглядело так, словно ничего и не было.

Вельмина по-своему расценила его молчание.

– Шрамы – это не главное, – тихо сказала она.

Итан молча кивнул. Уж с этим он был совершенно согласен.

Вельмина убрала зеркальце и снова села рядом на стул, сложила маленькие руки на коленях.

– Ты обдумал мое предложение?

– Да. – Он сам удивлялся себе.

Казалось, что один только вид новой госпожи будет бесить до зубовного скрежета, а оказалось совсем наоборот: присутствие этой смуглой куколки как будто бы успокаивало и даже прочищало мозги. Мысли делались упорядоченными, четкими и быстрыми.

«Теперь меня никто не узнает, потому что король все-таки выглядел иначе», – решил Итан.

Следовательно, торопиться ему совершенно некуда и незачем.

– Я… останусь, – твердо сказал он. – Правда, я не очень хороший плотник. Но дома у меня нет, и меня никто не ждет. Так что я готов отработать ваши усилия, госпожа де Триоль, по части возвращения меня к жизни. А потом, когда я сочту нужным, то уйду. И вы не будете меня задерживать.

– Я оплачу тебе работу, – спокойно и с достоинством ответила Вельмина. – Теперь, правда, я небогата… Но будем надеяться на то, что у наместника Ариньи все же есть совесть.

Итан молча смотрел на нее, а она, снова неверно расценив его молчание, вдруг порывисто поднялась со стула и, сдернув с пальца тот самый стальной перстень, вложила его Итану в руку. Он медленно стиснул кулак, сжимая свой ключ к свободе, и только и спросил:

– Почему? Я ведь… могу быть опасен.

– Я привыкла доверять людям, которые живут в моем доме, – слабо улыбнулась женщина. – Надеюсь, у нас и так не возникнет никаких разногласий, которые бы требовали применения этого…

И она брезгливо поморщилась, но тут же снова улыбнулась.

– Ты говоришь совсем не так, как говорил бы нищий. Откуда ты? И почему… почему на тебе два герба, Селистии и Аривьена? Кто тебя заклеймил?

– Я не знаю, откуда они, – флегматично солгал Итан.

Он освоил это искусство, прожив всю сознательную жизнь с Лессией. Тут самым важным было говорить спокойно и задумчиво, и Лессия почти всегда верила. К тому же, солгал он наполовину: если герб Селистии был подарочком от королевы, то насчет появления другого герба он не знал ничего. Этот знак, отливающий темным малахитом, был с ним всегда, сколько он себя помнил. Хороший повод отправиться в Аривьен.

Вельмина пожала плечами.

– Если ты не хочешь говорить, то я не настаиваю. Может быть, потом расскажешь… А как ты получил свои раны?

– Пожар, – коротко ответил Итан. И, кажется, такой ответ Вельмину вполне удовлетворил.

– Ты чувствуешь свое тело? – с улыбкой спросила она.

Итан пошевелился и, к собственной радости, ощутил и руки, и ноги. Нельзя сказать, что он был полон сил, но это куда лучше, чем лежать бревном.

– Да. – Он тоже невольно улыбнулся. Просто невозможно хмуриться, когда жизнь внезапно стала налаживаться.

Вельмина кивнула – скорее, даже не ему, а каким-то своим мыслям – и поднялась со стула.

– Ну вот, значит, я наконец могу пойти лечь спать. Вот одежда, – указала на аккуратную стопку на втором стуле. – Солветр отведет тебя помыться. Эта спальня пока твоя. Прислуга завтракает в восемь.

С этими словами она вышла из комнаты, оставив Итана в одиночестве и некотором недоумении. Почему не стала допытываться о происхождении гербов

под его кожей? Знает куда больше, чем хочет показать? Но… если бы Вельмина действительно знала, откуда взялся Итан, вряд ли так спокойно отдала бы ему перстень, скорее уже позвала бы стражу. Неужели в самом деле доверяет? Невозможно. Такого просто не бывает.

* * *

Оставшись один, он сперва сел на кровати и осмотрелся. Это была гостевая спальня: кровать, рядом – деревянная тумбочка. Дальше – высокое окно, завешенное белыми полупрозрачными занавесками, такими тоненькими, что они напоминали крылья бабочки-капустницы. Высокий платяной шкаф у противоположной стены, рядом – бюро. И два стула, на одном из них сидела Вельмина де Триоль, а на другом была сложена одежда. На краю бюро стояла лампа, вроде бы масляная, но светила она куда ярче, и пламя было слишком светлым, бледно-золотым. Вероятно, вместо масла туда залили какой-нибудь алхимический состав, от которого и света больше, и дыма меньше.

Он обмотал бедра простыней, которой до этого был укрыт, и подошел к окну. За стенами дома стояла глубокая ночь, но пара окон из особняка напротив слабо светилась, и потому стало понятно, что гостевая спальня выходит на фасад дома, и расположена она на первом этаже, и между самим домом и узорчатой оградой шагов десять или чуть больше.

Итан вздохнул и покрутил в пальцах тяжелый стальной перстень. Потом посмотрел на клеймо, которое ему выжгли на плече: благодаря лечению, ожоги почти мгновенно зарубцевались, но, к сожалению, никуда не делись. Получилась печать хитрой формы, как будто состоящая из маленьких червячков-шрамиков, такую легко не сведешь… При этом вид собственного изуродованного плеча совсем и не расстраивал. В самом деле, это такая мелочь по сравнению с тем, что вытворял он сам по приказу королевы.

Как странно: Итан то и дело ловил себя на том, что, несмотря на свое положение, ему нравится здесь. Просто стоять и глядеть в окно. Вдыхать теплый воздух с легкой ноткой сандала. Касаться пальцами шершавой простыни, которой обернул бедра… Именно в этом доме, когда в комнате хорошо освещен только один угол, а за окнами – темень. И ему хорошо и спокойно, и даже начинает казаться, что все самые жуткие беды остались позади и вскоре он сможет забыть то, кем был все эти годы. Он совершенно не понимал, в чем тут

секрет – тихая комната ли очаровала, или так потрясло его то, что госпожа де Триоль сама всучила ему рабское кольцо, совершенно не думая о последствиях. Или, наоборот, хорошенько о них подумав? Она ведь… такая хрупкая, такая миниатюрная. Ему ничего не стоило свернуть ей шею. А она, совершенно не зная о том, кто теперь живет в ее доме, не боялась. Настолько глупа? Или настолько порядочная и всех судит по себе?

На эти вопросы ответов не было. Но у него еще будет время все выяснить…

Итан вздрогнул, когда снова скрипнула дверь. Через порог шагнул немолодой мужчина, седой, с залысинами и густыми бакенбардами. Итан и этого человека видел в холле, когда его, так быстро теряющего силы, притащили гвардейцы. А еще… он ведь не выдержал и расплакался. Вспоминать об этом было стыдно, но тогда, когда понял, что происходит, как будто что-то надломилось в груди, и было так больно, что… впрочем, неважно. Теперь Итан спокойно смотрел на дворецкого, а тот в ответ подозрительно сверлил его острым взглядом из-под нахмуренных кустистых бровей.

– Ты,? – наконец сказал дворецкий.? – Госпожа приказала отвести тебя в ванную, чтоб ты с себя грязь смыл. Бери одежду, отведу.

Итан подумал, что дворецкий, судя по голосу, не сердится. Однако побаивается. Эх, знал бы ты, кого привели хозяйке в дом… Итан поправил простыню, потом взял стопку одежды и повернулся к дворецкому. Тот сказал:

– Меня зовут Солветр. А у тебя имя-то есть? А то госпожа ничего не сказала.

– Итан, – представился он и тут же пожалел о том, что представился собственным именем.

Упустил шанс избавиться от части себя, запятнанной королевой: после этой злобной суки даже имя казалось грязным и мерзким.

– Хорошее имя, – внезапно сказал Солветр, – благородное. Сдается мне, ты совсем не бродяга.

– Почему?

– Здоров сильно для нищего попрошайки, – незамедлительно ответил Солветр. – Когда жрать нечего, такие плечищи не отращивают… Ладно, иди за мной, отведу тебя в ванную для прислуги. Вон, одежду тебе господскую госпожа дает, радуйся.

Итан пожал плечами, но почему-то одежду захотелось тут же бросить на пол и не прикасаться к ней. Глупости, конечно. Но память слишком живо подсунула картину: вот он, Кельвин де Триоль, бледный до синевы, губы беззвучно шепчут молитву, а в дрожащей глубине голубых глаз как будто вопрос: мне будет очень больно? Нет, не очень. Итан сделал все так быстро, как смог, чем вызвал неудовольствие старой твари. Ей хотелось, чтобы заговорщики мучились подольше, в назидание остальным.

– Идем, – повторил Солветр. – Экий ты… странный. Смотришь в пустоту. Смотреть надо на вещи и на людей, все остальное – морок.

Что-то было в словах Солветра правдивое и настоящее, только вот как объяснить, что не так-то просто избавиться от этого морока прошлого, который еще и цвета крови?

Они довольно долго шли по коридору, несколько раз сворачивая, так что Итан понял, что сам обратно вряд ли вернется, и наконец добрались до ванной.

– Мойся,? – напутствовал Солветр.? – Госпожа у нас добрая… чересчур даже добрая. Бедная наша Вельмина.

Итан едва не спросил – отчего ж бедная, но вовремя примолк, вспомнив, что эта Вельмина была замужем за Кельвином де Триолем, о пристрастиях которого знал весь двор. Конечно, будешь тут бедной, если только госпожа де Триоль не искала утешения в объятиях других мужчин. Но – не его это дело…

Он открыл краны с водой, и в латунную ванну хлынули пузырящиеся струи, от одной из которых шел пар. Пока ванна наполнялась, Итан еще раз осмотрел себя: невероятно, но алхимическое средство полностью его восстановило. Даже не вступило в реакцию с теми средствами, которыми его накачала Лессия… Кое-где шрамы остались, но в основном от рваных ран. Ожоги исчезли бесследно, за исключением клейма, нанесенного с применением специального раствора. Ну и другие печати его, одна над сердцем, а другая – на животе, никуда не делись.

Более того, Итан вдруг подумал, что их не свести никакими средствами, уж больно похоже все это на высокую алхимию.

Потом он полез в теплую воду и долго мылся, натирался мылом, смывал, и так раз за разом. Ему хотелось смыть с себя… всю дрянь, которая налипла за время жизни с королевой, и в то же время с тоской он понимал, что это невозможно и что все его дела будут с ним до самой смерти. Осознавать это было так противно и больно, что чуть снова не разрыдался, но вовремя кое-как взял себя в руки. Идиот. Зачем плакать? Прошлого не изменить. Тем более к чему плакать, когда у твоих ног разворачивается будущее, новое, быть может, чистое и доброе?

Он взял полотенце, которое было оставлено здесь же, на бортике, долго вытирался, затем с трудом влез в принесенное белье: все же покойный маркиз был мельче и у?же в кости. Потом натянул штаны, рубашку, сунул ноги в мягкие домашние туфли и, выдернув заглушку из ванны, вышел в коридор.

Солветра, конечно же, там не оказалось: видимо, он попросту устал ждать, и надо отдать должное терпению дворецкого, который не подгонял и не врывался в ванную с воплем «Пшел вон отсюда».

Итан двинулся вперед по плохо освещенному коридору, но, как и стоило ожидать, где-то свернул не туда – и вышел к широкой деревянной лестнице с резными балясинами. Здесь было бы совсем темно, если бы не узкое окно, в которое лился яркий лунный свет. Он бликами ложился на полированное дерево, искрился на шелковых обоях с росписью и расстилался широкой дорожкой у ног. Итан сперва думал повернуть обратно и идти разыскивать ванную, но затем решил, что ему – исключительно чтоб отвлечься – будет полезно побродить по дому, тем более что ощущения от дома пока что были самые приятные.

Он поднялся по лестнице на второй этаж и, оказавшись в широком коридоре, повернул направо, чтобы дойти до конца крыла, а там поискать лестницу, ведущую на первый этаж. Было тихо – так тихо, что он слышал собственное дыхание и тихий скрип половиц под ногами. Двери по левую руку были закрыты, Итан шагал вперед. Ни разу еще ему не было так спокойно и хорошо, как в этом, казалось бы, чужом и темном доме. Ему даже стало казаться, что мрак – мягкий и бархатный, затаившийся по углам – оборачивает его самого в теплое одеяло и укачивает, терпеливо и нежно, как мать, которую он не помнил. Но иллюзию счастья мгновенно разбил странный звук, просочившийся сквозь одну из закрытых дверей. Итан остановился, вслушиваясь. Сомнений не возникало: там,

за дверью, горько плакала женщина, и не нужно было обладать особой фантазией, чтобы сообразить, кто это.

Перед глазами мгновенно пронеслось: вот госпожа де Триоль склоняется к нему, ее яркие глаза заинтересованно блестят, и губы изгибаются в легкой загадочной полуулыбке. Такая милая женщина, и даже нос, чем-то похожий на узкий клюв хищной птицы, ее не портит, а наоборот, придает своеобразное очарование, делает ее непохожей на сотни других красавиц, которые выправили себе идеальные маленькие и ровные носики. А теперь она плакала, и Итан невольно шагнул к двери, хоть и понимал, что не имеет никакого права не то что войти, а даже прикоснуться к поблескивающей в потемках дверной ручке. В конце концов, он казнил Кельвина де Триоля.

И тут ему в спину, аккурат между лопаток, ткнулось дуло ружья.

– А ну, шагай отсюда, – прошипел Солветр. И как только подобрался неслышно?

Итан послушно пошел дальше, и так, не останавливаясь, они добрались до второй лестницы.

– Больно ты шустрый, – сердито сказал дворецкий, – какой Бездны тебя понесло на второй этаж, мм? Чего задумал?

– Ничего я не задумал. – Ощущение дула ружья меж лопаток пропало.? – Мне хотелось посмотреть дом.

– Зачем это? Нечего тебе здесь делать.

– Как скажешь,? – выдохнул Итан.? – Можно я теперь вернусь в гостевую спальню?

Он обернулся к Солветру: тот хмурился, стоял, опираясь прикладом ружья о пол.

– Знаешь что, Итан? Госпожа Вельмина – порядочная женщина. Я бы сказал, что святая, но святые все сплошь сидят на небесах… Ну так вот. Если ты хоть словом, хоть взглядом ее обидишь, я тебя нафарширую свинцом. Ты все понял? – Тут взгляд Солветра упал на руку Итана.? – Да и вообще, это ее, конечно, воля,

но зря она тебе перстень отдала. Я б с тебя глаз не спускал!

– Я понял. – Итан кивнул, с трудом сдерживая улыбку.

Никто и никогда, кроме королевы, не отчитывал короля-дракона и уж тем более не угрожал, а если кто и попытался бы, то поплатился бы жизнью. Так что, выходит, старый Солветр был просто невероятным везунчиком: он прочитал нотацию дракону, словно нашкодившему мальчишке, и ничего ему за это не было.

Через несколько минут Итан вернулся в отведенную ему спальню, разделся, лег в кровать и, вытянувшись на спине, закрыл глаза. Несмотря на небольшое происшествие, ему по-прежнему было хорошо и спокойно. Впервые за многие годы Итан произнес про себя короткую молитву Отцу – чтобы прошлое все же оставило его, отлетело грязной шелухой и осело где-нибудь подальше. И от него, и от этого славного дома, и от Вельмины де Триоль, которая была доброй и порядочной, и вообще почти святой, если верить Солветру.

Глава 4. Ружье, которое должно было выстрелить

Дни покатились один за другим, однообразные, почти одинаковые.

Для Вельмины они были нелегкими, потому что выходило, что сама она – да и весь дом – как будто повисла в пустоте и неопределенности будущего.

Эту неизвестность, которая так тяготила, Вельмина осознала ровно тогда, когда попыталась найти документы на загородное поместье и когда убедилась, что из кабинета мужа при обыске вынесли все. Документы на дом в том числе. Выходило, что Вельмина живет в особняке мужа на птичьих правах, а именно – пока позволяет Дэррин Ариньи. Наверное, ей нужно было снова идти к нему на прием и просить, чтобы вернули документы, которые были отобраны, но Вельмина сердцем понимала, что на сей раз она поцелуем может и не отделаться, а потому оттягивала этот визит изо всех сил, надеясь… Да она и сама не знала уже, на что надеется и чего ждет. Чуда, не иначе.

От неприятных мыслей Вельмина пряталась в своей лаборатории, но там, склонившись над пробирками и флаконами с алхимическими ингредиентами, все равно тихо плакала. Поначалу еще надеялась, что Ариньи сам ей вернет документы, пришлет с посыльным, но дни шли, а ничего не происходило. Наместник, похоже, решил ждать, пока Вельмина сама к нему придет. Поэтому Вельмина и рыдала: ловушка захлопнулась, рано или поздно ей придется стать любовницей герцога, но… как же было это противно, душу наизнанку выворачивало только от одной мысли, что он снова будет касаться ее своими толстыми пальцами, целовать, да и вообще делать с ней «все это».

Она дрожащими руками отмеряла нужное количество капель для смешивания веществ и их дальнейшей трансмутации, разводила огонь под перегонным кубом… ей хотелось создать… да хоть что-нибудь, лишь бы не вспоминать Ариньи и не думать о неизбежном.

В лаборатории было хорошо и спокойно. Вельмина чувствовала себя защищенной от не очень-то дружелюбного мира. Но, сидя в подвале, она то и дело вспоминала Кельвина, и ей делалось нехорошо и стыдно оттого, что до сих пор не заказала каменное надгробие. Да и вообще, можно было озаботиться переносом останков ее несчастного мужа в семейный склеп де Триолей, а она, вместо того чтобы заняться делами, выцарапать собственный дом из лап наместника, трусливо прячется в темноте. Даже обеды и ужины ей приносила Тавилла.

Но однажды наступил день, когда Вельмина решилась и заставила себя выбраться на свет. Отправилась бродить по дому.

Она неторопливо дошла до библиотеки, остановилась. Взгляд метнулся вдоль стеллажей и книг, сложенных высокими стопками, наткнулся на стоявшего на коленях мужчину, который как раз занимался починкой последнего стеллажа. Вельмина видела его со спины, и почему-то первым пришло в голову то, что одежда Кельвина этому мужчине мала. Вон, даже шов разошелся на плече.

«Итан», – вспомнила она имя, которое ей периодически нашептывала Тавилла.

В основном донесения Тавиллы сводились к тому, что «этот здоровяк» совершенно не годится для такой работы, чинит все просто отвратительно, как будто молоток впервые в руках держит. Вельмина лишь пожимала плечами.

Чинит же. Ну и пусть продолжает.

А сейчас она вдруг увидела результаты недельной работы и подумала, что Тавилла, конечно же, права: те стеллажи, которые уже были водружены на стены, кое-где оказались кособокими, а в некоторых местах поломанные полки были попросту сбиты досками. Так, конечно, никто мебель не ремонтирует. С другой стороны, Ариньи притащил к ней в дом человека, который, быть может, и правда никогда молотка и стамески в руках не держал. Однако же что-то делает – и то хорошо.

Итан внезапно замер, как будто почувствовал ее взгляд. И медленно, как будто с опаской, обернулся. Когда Вельмина увидела его профиль, в груди мгновенно сделалось щекотно и как будто тревожно. Ей снова показалось, что где-то она уже видела этот разлет бровей, высокие скулы и решительную линию подбородка. Ей даже показалось, что еще чуть-чуть, еще мгновение – и она действительно поймет, но… Итан резко поднялся на ноги, косо остриженные волосы упали на лоб, и ощущение узнавания исчезло, унеслось, как дым под дуновением ветра. Да к тому же шрам, ветвистый, как молния в грозу. И оттого веко полуприкрыто, и лицо сразу неправильное, асимметричное… но от этого вовсе не противное. Просто обычное лицо.

– Доброе утро, госпожа де Триоль, – сказал он и, кажется, даже улыбнулся.

– Доброе утро. – Вельмина отчего-то смутилась.

Наверное, она просто привыкла к тому, что в доме встречала Кельвина, а теперь вот – другой, незнакомый, на котором рубашка Кельвина трещит по швам.

Итан обвел рукой помещение.

– Я скоро закончу с библиотекой. Понимаю, что неидеально, но…

– Ты раньше этим никогда не занимался, – неожиданно для себя перебила Вельмина и снова смутилась.

– Да. Не занимался, – миролюбиво ответил Итан. – Но я стараюсь. И каждая следующая полка получается лучше предыдущей.

Вельмине показалось, что в голосе скользнула насмешка.

– А чем ты занимался раньше? – все же спросила она. – Возможно, я могла бы тебе предложить что-то более знакомое, чем починка стеллажей?

И тут ей показалось, что Итан передернулся. Но тут же взял себя в руки.

– Я, госпожа де Триоль, был телохранителем у одного из придворных королевы, – как будто неохотно проговорил он. – Потом… я провинился, и меня выгнали. Но я стараюсь и библиотеку в порядок приведу.

– Спасибо, – прошептала Вельмина.

А взгляд, помимо воли, цеплялся за разошедшийся шов на плече.

– Не стоит благодарности, госпожа де Триоль. Вы же мне обещали заплатить.

Вельмина вздохнула. Обещала, да. Вот будет смеху, если ее попросят освободить дом! И тут главное – успеть прихватить сундучок с драгоценностями и ехать в родительский дом уже с ним…

Тут воображение живо дорисовало ей картину прибытия к отцу, и как матушка спрашивает, что случилось, а Вельмина, потупившись, отвечает, мол, я не захотела становиться любовницей наместника, и поэтому он меня выгнал из дому. И смех, и слезы.

– Могу я спросить? – подал голос Итан.

Вельмина кивнула, и он продолжил:

– Вы уже несколько дней не выходите из дома. Почему? Молодая женщина, запершая себя в подвале… Вы настолько любили своего мужа?

– Он не был плохим, – эхом отозвалась Вельмина.

– Но и слишком хорошим тоже не был, верно?

– Ты его знал? Видел при дворе? Если ты был телохранителем, то, возможно, вы встречались…

– Да, я его видел, и не раз. – Итан опустил глаза и покрутил в руках молоток. – Весь двор знал…

– Довольно, – оборвала Вельмина. – Кельвин не был дурным человеком. Просто… он был именно таким, каким был. И незачем обсуждать его теперь.

Итан пожал плечами и кивнул:

– Да, я понимаю. Не понимаю только одного: почему за все эти дни ни одна подруга не пришла вас навестить?

– У меня не было подруг, – ответила Вельмина.

И внезапно ей захотелось рассказать о том, что она очень хотела подружиться с кем-нибудь при дворе, но почему-то темы, которые обсуждались в дамских компаниях – а именно мужчины и платья, – ее мало интересовали, а ее саму другие считали «слегка странной» и «не от мира сего». Поэтому подруг не случилось… Наверное, единственной подругой можно было считать Тавиллу, но при этом же Тавилла была экономкой в доме Кельвина и не была ровней хозяйке. Не подруга, да… Скорее, просто сочувствующая.

Вельмина прикусила губу, невольно вспоминая все свои жалкие попытки подружиться хоть с кем-то, и вслух сказала:

– Так получилось… Ничего не поделаешь. Но из дома все же выйти надо. И мы выйдем. Тебе нужно купить другую одежду.

Реакция Итана оказалась совершенно неожиданной: он передернулся, съежился, разом помрачнел и теперь просто стоял, глядя на нее исподлобья.

– Что такое? – удивилась Вельмина. – Разве я предложила что-то плохое?

– Я не люблю покупать одежду, – пробормотал Итан.

– С чего бы? Что в этом дурного? Изволь объясниться.

– Хорошо. – Серые глаза вдруг зло сверкнули. – Я не хочу быть куклой, понимаете? Если вам так хочется кого-то наряжать, вон Солветра наряжайте. А мне и в этом прекрасно.

«Вот те раз», – изумленно подумала Вельмина.

Происходящее намекало на наличие скелетов в шкафу Итана. Какие-то глубокие обиды, рубцы, которые остаются не на теле, а на сердце.

– Ты не будешь куклой, – она старалась говорить спокойно, как будто перед ней был не взрослый мужчина, а обиженный ребенок, – ты сам выберешь то, что придется по душе. Я даже смотреть не буду, что захочешь, то и купим.

Наверное, Итан тоже сообразил, что не стоит вываливать на хозяйку свои застарелые обиды. Он коротко кивнул.

– Как скажете, госпожа де Триоль. И прошу прощения… Я должен быть вам благодарен.

* * *

Отобедав в тишине и одиночестве, Вельмина все-таки решилась отправиться на прогулку, взять с собой Итана и купить ему платье по размеру. Несколько блестящих золотых футонов она взяла из тайника – этого бы хватило с лихвой и на одежду, и на обувь, затем хотела послать Солветра за экипажем, но передумала: в конце концов, погода стояла отличная, в чистом небе сияло солнце, а идти до Верхней Пантеи в самом деле было и недалеко. Отчего бы не прогуляться и заодно не посмотреть на то, что происходит в городе? Тавилла утверждала, что «эти зеленые» наконец навели порядок, так что такая прогулка, скорее всего, будет безопасной.

Итана Вельмина нашла все там же, в библиотеке: он аккуратно расставлял на стеллаже книги, и Вельмина невольно залюбовалась тем, как он наклоняется к очередной стопке, как выпрямляется и ловко ставит старинные тома на полку. Двигался он… сложно облечь в слова то впечатление, которое производили

простые, казалось бы, движения. Каждое из них было очень скупым, выверенным, но при этом обладало странным очарованием, словно Итан был на сцене театра и исполнял танец, предназначенный восхищать.

Вельмина моргнула и даже тряхнула головой, освобождаясь от наваждения. Может, это магия какая? Ну, есть же алхимия, есть каллиграфия, позволяющие управлять потоками силы этого мира и их преобразовывать. И никто не исключал возрождения древних искусств, нынче почти позабытых. Говорили, что когда-то – очень давно – одаренные люди подчиняли потоки движением, словом и мыслью. И ходили слухи, что где-то еще остались истинные маги. Но не здесь, не на юге.

«Да нет же, – одернула она себя, – если бы Итан был одним из таких, разве позволил бы он себя отдать в рабство? Разве не смог бы себя исцелить? Нет, тут дело в другом. Всего лишь в том, что он умеет ловко и красиво двигаться, а я к такому не привыкла».

Между тем Итан ее заметил, спокойно поставил очередную стопку книг на полку и остановился, скрестив руки на груди, выжидающе глядя на Вельмину.

«Постричь бы тебя», – подумалось ей.

Темно-русые волосы, свисающие на лоб и частично закрывающие глаза, начинали раздражать. Вельмине казалось, что Итан должен выглядеть совсем по-иному, но как? Она не могла ответить.

– Пойдем со мной, – сказала она после недолгой паузы, – мне кажется, что ты мог бы сопровождать меня на прогулке. Заодно купим тебе одежду… Только обещай, что не сбежишь? Вернее, я тебя не держу, но мне бы хотелось расстаться с тобой по-человечески.

– Не сбегу, – глухо ответил Итан, а его светло-серые радужки вмиг потемнели, – вы мне заплатить обещали.

Вельмина усмехнулась. Итан уже второй раз напоминает об обещанной оплате. Не доверяет? Очень даже зря.

– Если обещала, то обязательно заплачу, – заверила она, – даже стоимость одежды и обуви не буду вычитать.

Кстати, об обуви…

Пришлось задержаться, потому что все это время Итан ходил в мягких домашних туфлях, не предназначенных для прогулок. С большим трудом Вельмина отыскала в гардеробной Кельвина туфли, которые кое-как налезли на Итана.

– Придется немного потерпеть, – попросила она, глядя, как тот морщится и переступает с ноги на ногу.

Он глянул на нее раздраженно и молча кивнул. Так и отправились.

Вельмина шла впереди, Итан безмолвно плелся за ней. Она пару раз даже засомневалась – а не сбежал ли? Но нет. Итан спокойно шагал следом, при этом было видно, что он с интересом озирается по сторонам, как будто никогда раньше не гулял по Нижней Пантее.

Впрочем, здесь действительно было хорошо: особенно радовали глаз идеально стриженные кипарисы, малахитовой зеленью контрастирующие со светлыми фасадами домов. А еще Вельмине нравилось, что на всех клумбах распускаются цветы. Она любила тюльпаны и, что уж таить, когда была совсем еще девчонкой, иногда мечтала о том, что тюльпаны ей будет дарить супруг. Огромные, пышные букеты, источающие изумительно-тонкий аромат… И тюльпанов в Нижней Пантее было много. Почти на каждой клумбе, самые разные – алые, бордовые, розовые, желтые и даже черные. Настроение ощутимо улучшилось, и Вельмина, придерживая шляпку, с наслаждением подставляла лицо весеннему солнцу. Она вовсе не боялась, что кожа покраснеет и будет облезать, со смуглой кожей таких неприятностей просто не бывает. Зато ощущать, как скользит по лицу теплый свет, – вот она, радость.

– Ты бывал здесь раньше? – спросила она Итана, чтобы не шагать молча.

Он отрицательно мотнул головой.

– А где жил твой прежний наниматель?

– В Верхней Пантее.

– Покажешь дом? – не удержалась Вельмина.

– Зачем вам это? – Итан нахмурился. – Не все ли равно?

– И в самом деле, – пробормотала она. – Хорошо, не надо показывать.

У моста она остановилась, покосилась на Итана: он хмуро смотрел на белую кружевную башню, опаленную сверху. И снова захотелось разбить повисшее между ними молчание.

– Ты… когда-нибудь видел дракона королевы?

Итан вскинул бровь и удивленно посмотрел на нее.

– Почему спрашиваете?

Вельмина пожала плечами.

– Ну все же интересно, какой он, этот дракон… Король и был драконом, но король – человек. Любопытно, каков дракон.

– А вы короля видели? – в свою очередь спросил Итан.

– Один раз, – призналась она, – а потом еще… на портрете, где он стоит за своей королевой.

– И… каким вы нашли короля?

– Ты так и не ответил, видел ли дракона, – усмехнулась Вельмина. – Как вообще королева могла произвести такую трансмутацию живого, чтобы из человека сделать чудовище?

– Такую трансмутацию только и могло произвести чудовище, самое страшное и кровожадное, – непонятно отозвался Итан. – А дракона я не видел. Король ведь нечасто оборачивался, только если нужно было… уладить некоторые королевские дела. Ну, так об этом говорили.

– Да, я знаю, – вздохнула Вельмина. А потом внезапно призналась: – Когда я была еще девочкой, мне гадалка сказала, что я выйду замуж за дракона. Смешно, правда? Тогда еще и дракона никакого не было… А теперь он мертв, и его никогда не будет. Это наглядный пример того, что нельзя верить в предсказания таких вот сомнительных особ, которые выряжаются в красный бархат и разъезжают по ярмаркам. Я так считаю.

Итан посмотрел на нее как-то очень долго и задумчиво. А потом сказал негромко:

– А мне гадалка предсказала, что я буду женат на королеве, но корону надену только после того, как перейду топь.

– Ну вот, – подхватила Вельмина, – и как после такого можно вообще верить во все это? Даже смешно, что кто-то верит.

– В самом деле, смешно. – Итан неопределенно пожал плечами. – Пойдемте дальше, госпожа де Триоль?

Еще примерно через полчаса они добрались до хорошо знакомого Вельмине магазина готового платья, где Кельвин время от времени что-то покупал – особенно когда не было желания возиться с пошивом. В этом маленьком мирке новой одежды правила железной рукой госпожа Мирьен, крошечная седовласая старушка, с годами не утратившая остроты ума. Она постоянно курила трубку с длинным мундштуком и всех своих посетителей называла «детонька». Разновозрастные детоньки порой самых высоких чинов и сословий, как правило, уходили довольные, а госпожа Мирьен подсчитывала замечательные блестящие футоны и старательно следила за веяниями столичной моды.

Вот и сейчас, стоило Вельмине переступить через порог магазина, из торжественного, расцвеченного алхимическими лампами полумрака выплыла миниатюрная фигурка в бархатном платье цвета вишневой наливки. В одной руке госпожа Мирьен держала неизменную трубку с длинным мундштуком,

другой же торопливо цепляла на нос пенсне в тонкой золотой оправе.

Она прищурилась на Вельмину, выпустила колечко сизого дыма, затем перевела взгляд на замершего Итана и изрекла:

– Ну наконец-то, моя милая, я вижу вас в компании мужчины. А я все ждала, когда ж вы перестанете изображать серую подвальную мышь и предадитесь страсти пламенной и порочной.

Вельмина попыталась промычать что-то вроде «вы не так поняли, госпожа Мирьен», но старушка лишь отмахнулась от нее и, царственно просеменив к Итану, цапнула его за рукав и потащила ближе к свету.

– Идите-ка сюда, детонька. Что вы хотите приобрести?

– Он на меня работает, – вклинилась Вельмина. – Госпожа Мирьен, прошу вас… Что-нибудь практичное.

– О, работающие мужчины нынче редкость, – с восторгом ответила госпожа Мирьен, тем временем поворачивая Итана из стороны в сторону, держа его за руку и разглядывая так, как могла бы разглядывать великолепный торт с шоколадной помадкой и клубничным желе. – У меня как раз есть сорочки на вас, детонька. И кафтан, и брюки.

Помня о собственном обещании даже не смотреть, что там Итан выберет, Вельмина все же подошла и, цапнув хозяйку магазина за бархатный рукав, отвела ее в сторону.

– У нас несколько ограниченный бюджет, – зашептала Вельмина. – Пожалуйста, вот три футона, пусть мой… работник выберет то, что придется ему по нраву.

И торопливо всучила госпоже Мирьен деньги. Старушка прищурилась на Вельмину. Затем кивнула каким-то своим мыслям.

– Я вас поняла, детонька. Не волнуйтесь, ваш работник выйдет отсюда человеком.

Она, похоже, нарочно сделала ударение на слове «работник» и при этом посмотрела так снисходительно хитро, что у Вельмины мгновенно заалели уши.

– Я пойду подышу воздухом, здесь что-то душно, – смешалась она.

– Кофейня напротив, – напутствовала ее госпожа Мирьен.

Вельмина кивнула Итану, мол, выбирай, как и договаривались, и вышла из магазина. Выдохнула. Уши горели.

В переулке было тихо и безлюдно. Вельмина сперва потопталась перед входом в магазин, затем решила, что можно и в самом деле выпить чашечку кофе с бисквитом. Перешла узкую мостовую и остановилась перед маленькой кофейней.

Весна вступила в Пантею, и по этому случаю перед фасадом кофейни расставили плетеные столики и стулья под матерчатыми цветными зонтиками, желтыми и нежно-зелеными. Столиков было всего три, занят один: там сидела кукольного вида блондинка в платье цвета «пепел розы». Вельмина двинулась сначала к входу, чтобы занять место внутри, у окна, затем ей пришло на ум, что неплохо бы видеть, когда Итан выйдет от госпожи Мирьен, а потом и вовсе выбора не осталось: блондинка заулыбалась и помахала рукой. Вельмина даже обернулась: ну не могла же эта сахарная красотка махать именно ей? Наверняка кто-то сзади. Но нет.

– Госпожа де Триоль! Идите ко мне, сюда, – весело позвала ее незнакомка, – я вас узнала!

Блондиночка вскочила со своего места, протягивая узкую кисть, всю унизанную браслетами и перстнями.

– Герцогиня де Рашвонн. Но для вас, милая, просто Фебба.

– Простите, разве мы знакомы? – уточнила Вельмина.

Как ни напрягала память, все никак не могла вспомнить…

– Заочно, – весело подмигнула Фебба. – Можно я буду вас называть Вельминой? Ох, да что ж мы… Давайте сядем, выпьем кофе. Я тоже только что зашла!

Вельмина хотела возразить, потому что собиралась посидеть в тишине и одиночестве. Впрочем, не довольно ли с нее одиночества? И если эта Фебба желает поболтать, отчего бы и нет?

– Давайте, – сказала она.

Отодвинула легкий плетеный стульчик и села, рассматривая новую знакомую. Фебба была хорошенькой, даже очень: золотистые локоны, фарфоровая кожа с нежным румянцем, коралловые губы сердечком и ярко-голубые глаза в обрамлении черных пушистых ресниц. Последнее, скорее всего, было результатом наложения краски, но Феббу это ничуть не портило, а даже придавало ее лицу несколько драматичное выражение.

Стоило только присесть, как тут же выпорхнул официант, принес меню, но Вельмина его даже смотреть не стала, попросила кофе, а вот Фебба углубилась в изучение списка блюд. Остановила она свой выбор на кофе, мороженом и трех песочных корзинках со сливочным кремом и фруктами.

– Я, знаете, не беспокоюсь за фигуру, – с улыбкой пояснила она, – недавно купила замечательный эликсир… Все-таки алхимия – великая вещь! Так вот, этот эликсир позволяет худеть, даже если ешь все подряд. Мило, правда?

Вельмина пожала плечами. Она в свое время из любопытства готовила нечто подобное, однако пробовать не стала, потому что один из ингредиентов провоцировал обвисание кожи.

Когда принесли кофе, она сделала маленький глоток и прикрыла глаза: кофе был ароматный, свежий, с чуточкой корицы – как раз то, что ей нравилось.

– Откуда вы меня знаете? – спросила Вельмина. – У меня не было раньше подруг.

– Так, милая моя, уже весь двор о вас говорит. Вы – та самая женщина, которой удалось захомутать наместника Ариньи.

– Неужели? – Вельмина со стуком поставила чашечку на блюдце.

Она так и знала, что именно этим и закончится поход в ресторан. Теперь вся Пантея перемывает ей кости, а болтливые дамочки обсуждают, что там у нее с наместником и как часто он к ней приезжает, чтобы провести ночь. Отвратительно.

– Видели, как он вас привозил на ужин, и даже не в общий зал, а в отдельную комнату. – В глазах Феббы горел нешуточный интерес. – Ну и как?

– Что – как? – моргнула Вельмина.

Фебба несколько мгновений смотрела на нее так пристально, как будто хотела сказать вслух: «Я знаю, что ты все понимаешь, но не хочешь говорить».

– У нас нет никаких отношений, – сказала Вельмина. – Мне нет необходимости их придумывать, чтобы всех развлечь. Кроме того, Фебба, вам должно быть известно, что я недавно овдовела… стараниями их величеств… Так что вряд ли в ближайшее время дам повод для сплетен.

– Однако вы его уже дали, – весело заметила герцогиня, – двор просто жужжит. Между прочим, вы явились причиной многочисленных истерик девиц на выданье.

– Думаю, что основная причина – не я, а их собственная глупость.

Вельмина медленно пила кофе, а сама нет-нет да поглядывала в сторону выхода из магазина.

– Люблю этот тупичок, – сменила тему Фебба. – Вы здесь часто бываете?

– Я тоже люблю. Напротив магазин госпожи Мирьен… Мой муж частенько здесь бывал. Да и я иногда покупаю у нее белье и сорочки.

Фебба помолчала – в основном потому, что была поглощена борьбой с пирожным.

– Госпожа Мирьен по молодости была веселой женщиной, – дожевав первую корзинку, сообщила она. – Ходят слухи, что однажды она даже нагрубила самой королеве, и та ей ничего не сделала, просто посмеялась…

– Королевы больше нет, – откликнулась Вельмина, – и короля-дракона тоже.

– Да, вот это была новость! – подхватила Фебба. – Я ведь тоже не знала, что Лессия из своего мужа сделала дракона! Мы все были уверены, что мужа она держит прикованным к кровати в спальне, а дракона – в подземелье. Хвала Пяти, что гадина сдохла!

– Думаете, под крылом Аривьена будет лучше?

Фебба лишь развела руками.

– Королева Лессия под конец своими выходками вызывала у всех по меньшей мере несварение желудка, дорогая. Не просто так была эта попытка переворота, вы же понимаете? У многих… она многим насолила так, что ее терпеть не могли. Отсюда же это тихое принятие чужой армии и чужого правления. Вряд ли с Аривьеном будет хуже, чем уже было. Аривьенский король, говорят, немного думает и о своих подданных, и о своих землях.

«А она совсем даже неглупа», – решила Вельмина.

Собственно, высказанное Феббой было очень близко к ее, Вельмины, пониманию происходящего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shtern_oliviya/drakon-s-korolevskim-kleymom

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить